Павел Буланже

Краснокожие

Павел Александрович Буланже
Краснокожие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18558047

Аннотация

В помещенном ниже очерке описана, на основании точных, не вымышленных рассказов, жизнь индейцев одного северо-западного племени в Соединенных Штатах – жизнь, которою в недавнем еще прошлом жили все индейцы.

Содержание

Введение 4
I. В семье индейцев 9
II. Предание о Мондамине 21
III. За работой 27
IV. Как женщины спасли свой народ 42
V. Жизнь детей 45
VI. Одеяло 53
VII. Вызывание дождя 68
VIII. Как явилась водяная лилия 74
IX. Как орел спас мальчика 77
X. Игры 82
XI. Письмена индейцев 91
XII. Гайавата Мудрый 97
XIII. Совет 102

Павел Буланже
Краснокожие

Введение

Кто не читал про Америку, не слыхал о всех тех чудесных открытиях и изобретениях, которыми Америка дарит человечество? Люди, бывавшие в Америке, читавшие о ней, поражаются всем тем, что там происходит. И поезда, мчащие вас с безумной скоростью 100 и больше верст в час, и огромнейшие постройки в десятки этажей, пароходы-города, подвозящие вас в Америку… Не то было в Америке каких-нибудь 200–300 лет тому назад. Когда впервые на своем утлом корабле явился в Америку Колумб, он встретил там краснокожих полуголых людей, девственные леса, изобиловавшие всевозможными зверями и птицами, огромные широкие реки, чудные озера с массой рыбы.

Краснокожие хозяева новой для белых людей страны приняли приехавших добродушно.

Эти мужественные, сильные, гордые жители Америки отнеслись к приехавшим европейцам-белым хорошо; но не так отнеслись к ним белые.

Белые, явившиеся в Америку, смотрели на краснокожих индейцев как на диких людей, которые еще не знают, в чем

заключается настоящая хорошая жизнь, и с которыми нечего особенно церемониться. Поэтому новые поселенцы не старались приглядываться к жизни краснокожих, их нравам, обычаям и верованиям: захватывая их земли, не церемонились обманывать, обижать и раздражать краснокожих, вызывали с их стороны ненависть и вражду к себе. Начались войны с краснокожими. Пролилось много крови и с той и с другой стороны, но на стороне белых были пушки, ружья, привычка воевать, – и краснокожие были побеждены. Их стали загонять все дальше и дальше, в глубь страны, в неудобные для них места.

И войны, и частые голодовки, вследствие неудобных мест, в которые были загнаны индейцы, и болезни косили население краснокожих; их становилось все меньше и меньше.

Чем больше являлось в Америку поселенцев из Европы, тем больше поселенцы эти хотели захватить земли у индейцев, и непрерывная война с индейцами велась больше 200 лет, пока индейцы были совершенно ослаблены и не могли больше сопротивляться. Индейцы и раньше разделялись на множество маленьких племен, и эти племена часто враждовали между собой; эту вражду белые поселенцы всячески поддерживали, потому что им в этом случае легче было управлять индейцами.

Наконец, индейцы были совсем «усмирены» белыми, и новые хозяева Америки отвели старым хозяевам определенные места для поселения и обязали их жить в этих ме-

стах, или «резервах», мирно, не грабить, не воевать между собою, не продавать ничего из своих продуктов никому, кроме правительственных чиновников.

Очень трудно стало жить индейцам. Они привыкли к охоте за зверем, главным образом за дикими быками, бизонами, лосями, оленями. Но на этих зверей индейцы охотились только тогда, когда надо было утолить голод, – без нужды не убивали зверя и птицы. Совсем не так стали охотиться белые, для которых охота была одним из средств наживы. Они устраивали целые компании, нанимали людей, жгли степи и леса и производили бойню зверей. В самое короткое время огромные стада бизонов были совсем ими уничтожены. Стало мало рыбы в озерах и реках, стала выводиться и птица в лесах. Индейцы, не находя той пищи, к которой они привыкли, стали голодать.

Приходилось индейцам голодать и раньше:, когда охота бывала плоха, когда пожаром или нашествием враждебного племени уничтожались их запасы и т. п.; но теперь случаи голода стали обычным явлением.

Прошло несколько сот лет после того, как европейцы явились в Америку, и теперь ее узнать нельзя. Везде понастроены железные дороги, проведены телеграфы, телефоны, выстроены огромнейшие города с многоэтажными домами.

Американские капиталисты – самые богатые и самые жадные. Они беспощадно выжимают доллары из миллионов своих рабочих, они разоряют крестьян-фермеров и завладевают

их землями.

Индейцы не могут приспособиться к капитализму, они вымирают во множестве, их осталось теперь не более 200 тысяч, их занятия – нищенство, либо самая черная работа у фермеров.

Лишь небольшая часть живет еще прежней «вольной» жизнью. Такой вольный индеец привык дышать природой. Потребности его чрезвычайно невелики и ограничены. Ему достаточно положить на что-нибудь голову, и он спит, и потому не нужно ему дорого стоящих домов. Точно также ограничена у них и потребность есть: достаточно немного грубой, простой пищи – кукурузы, пшеницы, орехов и ржи, – он сыт. Жена индейца умеет сделать незатейливую посуду для домашнего обихода, умеет прясть, соткать материю для платья, – индейцу не нужны фабрики и магазины с посудой и платьем.

Живя такой жизнью, продолжая общение с природой, индеец наблюдает белых и видит, как эти белые изо дня в день трудятся в каторжном труде, как они слабы, хилы по сравнению с ним, сколько горя, страданий переживают, – и индеец отвращается от этой жизни белых, она для него вовсе не заманчива.

Жизнь индейцев, их верования, несмотря на долгое соседство с прибывшими из Европы поселенцами, оставались долгое время неизвестными. Их просто считали дикими.

Теперь в американской литературе стало появляться все

больше и больше рассказов, описывающих жизнь индейцев. И хотя трудно белым войти в доверие к индейцам, но некоторые сумели вызвать это доверие и близко наблюдать их интимную жизнь. Было время, когда с увлечением читали бесконечные рассказы Майн-Рида, Фенимора Купера и думали, что ознакомятся с жизнью индейцев. Но теперь увидали, что все эти рассказы Майн-Рида, Купера – сплошная фантазия, вздор. Рассказы современных писателей рисуют совсем иначе жизнь и быт индейцев.

В помещенном ниже очерке и описана, на основании этих точных, не вымышленных рассказов, жизнь индейцев одного северо-западного племени в Соединенных Штатах – жизнь, которою в недавнем еще прошлом жили все индейцы.

I. В семье индейцев

Над озером стоял еще сильный густой туман. Медленными клубами подымался он из лесу навстречу солнцу, как бы борясь с ним, не пуская заглянуть его в лесную чащу. И солнце, как бы недовольное этой борьбой, как бы негодуя на помеху тумана, мрачно выглядывало на восточном краю неба огненным шаром.

Все в лесу и на озере давно уже проснулось. Проснулись утки, беспокойно копошившиеся в камышах, проснулась рыжая белка, пытливо и любопытно заглядывавшаяся вниз и перепрыгивавшая, как будто летая, с ветки на ветку. Огромные капли росы кончали свой недолгий век, отливая яркими цветами радуги и готовясь снова подняться ввысь, к жаркому июньскому солнцу.

На западном берегу озера, недалеко от извилистых бухточек, там, где кончался густой лес и начинались перелески, переходившие дальше в безграничную степь, – расположилось целое селение индейцев. Их вигвамы[1] стояли в беспорядке, далеко один от другого, и все как бы старались укрыться в лесу.

Около вигвама, стоявшего недалеко от озера, давно уже

---

[1] У индейцев нет прочных домов, которые устраиваются, как у нас, – неподвижно на одном месте. У них шалаши, покрытые шкурами зверей или матами из соломы и травы. Эти шалаши, или вигвамы, легко переносятся с места на место.

возилась краснокожая женщина – Голубое Перо. Она разводила огонь, раздувая чуть-чуть тлевшие головешки, оставшиеся от прошлого дня. Спичек не было: их надо покупать далеко у белых за деньги, а деньги так трудно достать… И потому каждый вечер хозяйка тщательно закладывала золой горячие угольки, чтобы жар сохранился до следующего утра. Утром же, набрав сухих листьев и веточек, она осторожно раздувала эти тлевшиеся угольки. А погаснут угольки – приходилось собирать гнилушки, тереть палочки, пока не получалась искра и снова вспыхивал огонь.

Из двери вигвама выглянула растрепанная голова мальчика лет 13 – Заячьего Следа. Он выглядывал из вигвама и немного щурил свои еще сонные глаза.

– Сбегай-ка поскорее, Заячий След, да собери сучьев и веток, надо готовить поесть, а то, пожалуй, и отец скоро вернется.

Отец, Вор-ра-пи, давно ушел на охоту. Дома оставалось очень немного кукурузы; зимние запасы подошли к концу; охота была плохая. Родители не раз уже затягивали поясами туго-натуго свои животы, чтобы не так сильно чувствовать голод, чтобы поменьше самим есть, а побольше оставлять детям. Когда голодно, когда негде достать пищи, индейцы прибегают к этому средству.

Заячий След толкнул своего еще спавшего восьмилетнего братишку, Летящего Лиса, тот быстро вскочил на ноги, и оба скрылись в росистых кустах. Мальчики были голодны

и, собирая сучья, с жадностью подхватывали сочные красные ягоды земляники и брусники.

– Отнеси матери сучья, – сказал брату Заячий След, – да принеси мне лук и стрелы, может быть, я зайца или кролика найду.

Пока Летящий Лис бегал к вигваму с сучьями, Заячий След напал на лужайку с ягодами и с жадностью уписывал их. Он понимал, что в семье голодно, что охота отца неудачна. Вот уже несколько дней, как он сам старался убить и принести что-нибудь домой, но безуспешно. А ждать, пока поспеет мондамин[2] и пшеница, которые они посеяли недалеко от вигвама, надо было еще недели четыре-пять.

Когда Летящий Лис вернулся с луком и стрелами, оба мальчика, спеша утолить голод, стали собирать ягоды и так увлеклись этим, что забыли про охоту, пока не услыхали голоса матери, звавшего их к вигваму.

Во время их отсутствия сестра их, пятнадцатилетняя девушка – Белое Облако, принесла в глиняном кувшине воды и принялась помогать матери готовить завтрак. Она отправилась в кладовую достать кукурузы.

Кладовая семьи была устроена на большом соседнем дереве. Сучья его были переплетены ивовыми ветвями, и там стояли корзины с кукурузой и пшеницей. В хорошее время, когда охота бывала удачна, тут же вешались медвежьи окорока и сушеное оленье мясо. Теперь в кладовой почти ниче-

---

[2] Мондамин – индейское название кукурузы.

го не оставалось. Каждый раз, когда брали из нее скудные запасы; дети тщательно заделывали вход в кладовую, чтобы белки не пользовались тем, что там было.

А с белками шла постоянная борьба: маленькие зверьки зорко следили за кладовыми индейцев и не упускали случая поживиться, если они были плохо заделаны. В особенности несносны были белки тогда, когда у них самих истощались запасы. Но и индейцы не оставались в долгу перед ними.

Заячий След с Летящим Лисом отправляются за хворостом.

В трудные времена они решались на то же, что делали

и белки: шли в лес и разыскивали кладовые белок. На-днях еще Летящий Лис сыскал в лесу такую кладовую белки, в ней было уж мало запасов, но все-таки он с торжеством принес домой целую охапку отборной кукурузы и орехов.

Белое Облако, принеся кукурузу, высыпала ее на камень и стала размалывать ее другим сглаженным камнем. Когда зерна были размолоты, мать прибавила жолудей и всыпала все это в глиняный горшок, в котором закипала уже вода. Чтобы жолуди не очень горчили, мать намочила их еще с вечера. А без жолудей нельзя было: очень уж мало оставалось кукурузы.

Солнце высоко поднялось на небе, туман совсем рассеялся. Взошедшее солнце ярко играло и сверкало в каплях росы.

Когда семья уселась за завтрак, из-за кустов появился и отец семьи – Вор-ра-пи; за плечом у него висел убитый им заяц. Дети оживились, глаза у них заблестели, но никто не выдал своей радости, что наконец-то они сытно поедят. Индейцы привыкают таить в себе и радость и горе, привыкают с пеленок не высказывать своих чувств. Только девочки иногда выдадут то, что они чувствуют, но на то они и девочки, – рассуждают мужчины. Девочки слабее мужчин, мужчина их оберегает, заботится. Мужчина должен привыкать терпеть все, бороться с трудностями и лишениями, выносить терпеливо страдание и горе. Когда явится радость, индеец знает, что радость не долговечна. К радости надо относиться так же равнодушно, как и к горю.

Индейское селение из нескольких вигвамов.

И в этом скромном вигваме и во всех других люди привыкли к тому, чтобы жизнь их текла ровно, гладко, не вызывая ни того отчаяния, ни той бурной радости, которые бывают у белых людей.

Понемногу с самого детства индейцы приучают себя к тому, что голод – такое же явление, как дождь или мороз. После дождя можно высушиться, а когда защиплет мороз и станет холодно, надо быстрее пробежаться и согреться. Так точно, когда голодно, надо потуже затянуть пояс и терпеливо ожидать лучших дней, а пока промышлять тем, что есть под руками.

Молча сидела вся семья за завтраком, черпая из общего горшка теплую кашицу деревянными ложками. Ложки эти были сделаны ими самими и сделаны были очень грубо: в куске дерева было выдолблено маленькое углубление, чтобы зачерпнуть из горшка жижу. Если же случалось есть мясо, то кусочки его брались прямо руками или тонкой палочкой.

Вор-ра-пи изредка взглядывал проницательным, острым взглядом на жену и детей. Это был серьезный, высокий, сильный мужчина, которого жившие в этом селении индейцы выбрали своим вождем. Много было у него хлопот, над многим надо было подумать. Весь его народ доверял его мудрости, верил тому, что он о нем позаботится, не даст его в обиду.

В прежние времена, когда земли было очень много, когда белых не было еще в Америке, когда по обширным бесконечным степям-прериям ходили бесчисленные стада быков-бизонов, дело вождя племени было еще сложнее. Надо было узнать, когда лучше всего племени переселиться в другие места вслед за бизонами, где больше всего изобиловала дичь, и народ не страдал бы от голода. Надо было обдумать, как делить добычу, чтобы никто не страдал от лишений, когда другие пользуются избытком, как защитить народ от нападений враждебных племен и т. д.

Теперь было проще, хотя тоже очень трудно.

Стада бизонов исчезли с тех пор, как явился сюда белый человек и застроил землю городами, селениями, железными дорогами. Стало трудно добывать дичь в лесах: и лоси, и лани, и медведи, – все двинулось дальше на запад, к Скалистым горам, в те пустынные неплодородные места, которые не нужны были пока еще белому человеку. Двигались за этими испуганными стадами диких зверей и индейцы, старые хозяева страны, но все же охота была теперь плоха. Земли становилось все меньше, передвигаться бывало все труднее и труднее, потому что повсюду были владения белых людей, которые не подпускали к себе индейцев, не любили их, презирали, не считали для себя дурным делом обидеть их, даже убить.

И у индейцев понемногу нарастала злоба и презрение к этим грубым и кровожадным белым.

Белый без нужды, когда он сыт, убивает животных и птиц, рубит леса, огромные деревья и строит такие дома, в которых могут жить сотни человек, а живет один.

Белый может обмануть. Он обманом взял у них землю и гонит их все дальше и дальше…

И трудно вождям народа сдержать в людях своего племени чувства презрения и ненависти к белым. А эти чувства всегда готовы вылиться в восстание, в стремление перебить всех белых, лишь бы освободиться от их ненавистного присутствия здесь, в их когда-то прекрасной и такой богатой стране, где было столько простора, столько лесов, столько дичи.

Знает все это Вор-ра-пи, но знает он также, что у них, индейцев, договор с белыми. По этому договору индейцам принадлежит только та земля, на которой они сейчас живут. Нельзя индейцам выходить за пределы ее, как бы трудно им ни было. Не могут теперь индейцы по этому договору драться с белыми, не могут враждовать и воевать с кем бы то ни было. Белые обязались заботиться о том, чтобы никто их, индейцев, не обижал. А если у них не хватит пищи и негде им достать себе пропитание, белые обязались давать индейцам кукурузу и пшеницу.

Знает это Вор-ра-пи и старается о том, чтобы народ его твердо исполнял данное им обещание. Нет для индейца большего позора, как нарушить свое слово. И хотя Вор-ра-пи видит, как белые часто обижают и обманывают индейцев,

он объясняет себе это тем, что белые – еще дикие, недоступны им еще те понятия о чести и справедливости, которыми живут индейцы.

Да, трудно стало теперь передвигаться, подолгу остаются индейцы со своими вигвамами на одном и том же месте и стараются разводить около вигвамов кукурузу-мондамин, рис и пшеницу, дыни, табак, разводить так, как учили их тому их предки.

Семья покончила с завтраком. Мать с дочерью отправились к мондамину – посмотреть, как он растет, посмотреть, не проросли ли среди него сорные травы. Пошли полить мондамин водой из озера, напитать его жаждущие корешки, как учил их этому их мудрый вождь Вунавмон, о котором столько рассказов сохранилось в народе.

Мальчики тоже ушли. Летящий Лис захватил рыболовные снасти и пошел на озеро, к стоящей там пирóге, а Заячий След опять нырнул в лес на охоту.

Один Вор-ра-пи молча и сосредоточенно сидел около тлевших углей очага и докуривал свою длинную трубку. Наконец и он поднялся, потянулся и направился к вигваму Великого Лекаря.

II. Предание о Мондамине

Вигвам, в котором жил старый, старый Ягу, стоял почти в чаще леса. Ягу не мог уже лихо мчаться на коне, не мог бродить по лесам и озерам за дичью, притупились его глаза, ослабели его когда-то ловкие, быстрые ноги. Сидит Ягу все дни у себя в вигваме, а в теплые дни выйдет под тень и плетет корзины, делает стрелы, – искусник большой был Ягу. Но искуснее всего он был на рассказы. Никто не знал столько преданий, передававшихся индейцами от поколения к поколению, как старый Ягу. Он был живой книгой. И потому около Ягу всегда бывал народ, всегда старались послушать его.

И когда на небе заблестят яркие звезды, когда лес застынет в немой тишине и уснет гладкое зеркальное озеро, – около Ягу непременно собираются старые и молодые индейцы. Сойдутся, усядутся на земле, закурят трубки и сосредоточенно слушают его бесконечные рассказы.

Вот что рассказывал Ягу о благодетеле индейцев Мондамине:

Это было давно, так давно, что самые старые старики еще не рождались на свет. Жил тогда в народе храбрый и мудрый Вунавмон.

Вунавмон видел страдание своего народа от недостатка пищи, видел, как сильные, мужественные воины туго затяги-

вали себе живот поясами и все, что добывали, отдавали детям, женщинам и старикам. Загрустил в своем вигваме Вунавмон и обратился он к всемогущему духу Гитчи Манито, к тому, кто все ведает, кто управляет всеми народами, и воскликнул в отчаянии:

– О, Гитчи Манито великий! Неужели же вся наша жизнь зависит только от гусей, которые улетают от нас на зиму, от зверей, которые уходят от нас, от рыб, которые прячутся под ледяным покровом рек? О Гитчи Манито великий! Научи нас тому, чтобы жизнь наша не зависела от них.

И Вунавмон с грустью и тоской, голодный лежал в своем вигваме. Воспаленными глазами смотрел он на горевший пурпуром закат, как вдруг в дверях его вигвама показался стройный юноша, одетый в зелено-желтые одежды. Волосы у него были мягкие, золотистые, а на голове развевались перья. С участием смотрел он на храброго, мудрого Вунавмона. Вунавмон пригласил его сесть и протянул ему трубку мира.

– Голос твой услышан, потому что ты молился о счастии, о благе всех племен и всех народов, – сказал незнакомец[3].

– Кто ты? – спросил он Вунавмона.

– Мое имя Вунавмон. Я сильный. А ты кто?

– Я не скажу тебе своего имени, – отвечал незнакомец. – Давай бороться, и если ты меня одолеешь, я дам всему твоему народу великое благо. Тогда только открою я тебе свое имя.

---

[3] «Песнь о Гайавате», стр. 51, 52, Пер. И. Бунина.

И Вунавмон стал бороться с незнакомцем. И как только Вунавмон прикоснулся к незнакомцу, то тотчас же почувствовал в себе силу. Долго боролись они. Солнце зашло, наступила ночь, и незнакомец сказал, что на сегодня довольно. Завтра он снова придет в этот же час бороться.

Так было три дня. Наконец и третий день стал склоняться к закату. Уходило солнце, и Вунавмону казалось, что оно уходит оттого, что стыдится его слабости. Напряг Вунавмон все свои силы, крепче уперся мощными ногами в землю и, наконец, поборол незнакомца.

– Теперь ты видишь – я поборол тебя, о, незнакомец! – воскликнул Вунавмон. – Открой же мне свое имя.

– Имя мое Мондамин, – отвечал незнакомец, – а тело мое – благо для тебя и твоего народа. Схорони меня, покрой мое тело мягкой, рыхлой землей, стереги, чтобы ко мне не слетел черный ворон и не клевал меня. Навещай меня, а через месяц, когда ты придешь ко мне, ты увидишь меня вновь.

Вунавмон сделал так, как сказал ему незнакомец. Прошел месяц, и когда он пришел на могилу Мондамина, он увидал, как над могилой развевались чудесные зеленые перья. И из этих зеленых перьев раздался голос, как звуки песни:

– Это растет, Вунавмон, зерно – пища для тебя и твоего народа, дар Мондамина. Береги это растение. Когда оно покроется большими листьями, на нем станут развеваться волосы.

– Это растет зерно – пища для тебя.

Сначала они будут зеленые, мягкие, а потом станут понемногу желтеть и чернеть; возьми тогда семена, отдай твоему народу, пусть народ питается ими и устроит праздник в честь Мондамина в месяц плодов.

Собрал Вунавмон зерна и в месяц плодов устроил с народом праздник. Все ели подарок Мондамина, все были счастливы. Этот подарок спасал народ от голода.

И с тех пор народ старается исполнять свято завет Вунавмона, держать в чистоте могилу Мондамина, давать влагу скрытым под землей зернышкам.

III. За работой

Вигвам опустел. Только яркое солнце заливало все ослепительным светом. Изредка пробежит торопливо лесная мышь и юркнет в прошлогодние сухие листья, да где-то на дереве вдруг закукует кукушка, как будто досадуя на нежное воркование горлинок.

Мать, Голубое Перо, шла на работу, положив своего грудного ребенка в длинный коробок и подвесив его себе на спину. Из коробка торчала голова с двумя огромными круглыми черными глазенками. За матерью шла и дочь Белое Облако работать на кукурузном поле. Туда же собрались женщины и из других вигвамов. Работы было много, и к работе этой все относились с большим вниманием, все знали, что Мондамин – их спасение зимой.

Работа на поле маиса.

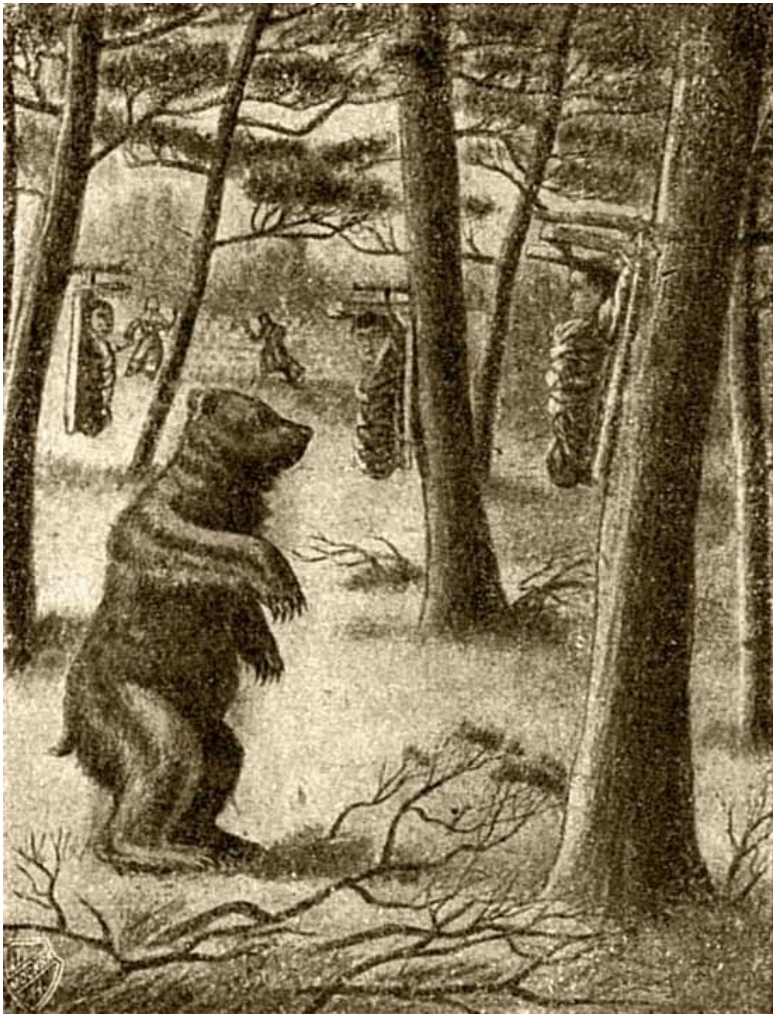
Придя на кукурузное поле, мать подвесила коробок с ребенком на дерево и отправилась работать. Ребенок был не один. На соседних деревьях висели такие же коробки с ребятами. Кто спал, а кто любопытно поглядывал по сторонам. Никто из этих ребят не кричал. Спокойно сидели они в твердых лубочных коробках, устланных внутри мягким мхом, и только ворочали из стороны в сторону своими глазенками.

Так же, как и у детенышей куропаток, в этих детях слишком силен был инстинкт, заставлявший их так тихо сидеть в этом неудобном положении. Долгие века вырабатывался этот инстинкт. Прежде, когда племена индейцев постоянно кочевали, постоянно переходили с места на место и могли встретиться с враждебным племенем, которое открыло бы их присутствие по малейшему шуму, – надо было таиться, надо было скрываться и нельзя было позволить детям кричать.

Враг мог обнаружить их присутствие, мог напасть. И грудные дети приучились молчать. Они молчали так же, как дети куропатки или лисицы, которые при приближении опасности привыкают затаиться под листиком или за кустом и не шелохнуться, хотя бы на них и наступили.

Однако на этот раз случилось так, что дети крикнули, подали сигнал. Женщины работали в кукурузном поле, отходя все дальше и дальше от детей, и не заметили, как к висевшим на деревьях коробкам с детьми незаметно подкрался

лесной сосед – медведь. Медведь тихо крался, почуяв привлекательный запах, а может быть в нем просто разгорелось любопытство. Вот он ближе и ближе к ребятам и теперь уж жадно поглядывает на то, что так лакомо пахнет.



Медведь подкрался, чувствуя привлекательный запах.

Любопытные глазенки ребят сначала только разглядывали этого мохнатого, грузного соседа; но вот раздался сначала один, потом другой, третий отчаянные крики. Матери услыхали, обернулись и сразу побежали к ребятам. Времени терять нельзя, надо спасать своих детей, но спасать голыми руками тоже нельзя. Медведь – противник опасный. И вот одна из матерей, нисколько не растерявшись, бежит к ближайшему вигваму и мчится обратно, неся лук со стрелами. Минута трудная. Промахнуться нельзя, зверь тогда разъярится, наделает немало бед. Подбежав поближе к медведю, наклонившись на одно колено и спокойно, хладнокровно целясь, бесстрашная женщина, при гробовом молчании и ожидании других, натягивает тетиву и пускает стрелу. Стрела попадает в глаз зверю. Раненый медведь начинает кружиться от страшной боли на месте, хватаясь лапой о морду, ослепленный кровью, заливающей ему глаза.

Еще стрела… остальное доделывают топоры других женщин, которые бросаются кончать ошеломленного зверя.

Случай был редкий, не растерялась смелая мать, призвала на помощь и хладнокровие и ловкость свою и оказалась стрелком не хуже любого мужчины. Теперь надолго хватит разговоров в вигвамах о мужестве этой матери. Может быть, через сотни лет новый Ягу будет рассказывать с гордостью этот случай, будет говорить, что и женщина их народа не ниже мужчины, что женщину нужно высоко уважать и ценить.

Весь день индейской женщины заполнен. Как ни просто хозяйство, но оно все лежит на ней. Надо и пищу приготовить, и за ребятами смотреть, и посуду делать, и корзинку приготовить, и одеяло выткать.

Женщина размешивает глину.

Раскатывает глину.

Лепит горшок, наматывая тонкие, длинные валики из глины.

Женщина расписывает посуду.

Недаром Голубое Перо была женой вождя. Насколько муж ее был известен среди мужчин своими качествами, настолько она славилась своей способностью в домашних работах. Она умела делать такую затейливую глиняную посуду, что на нее любовались белые и охотно ее покупали. Покупали они ее не для того, чтобы употреблять в своем житейском обиходе, а чтобы поставить как украшение в комнатах, как диковинку, которую они достали от индейцев.

Приготовление для обжигания посуды.

Готовые разрисованные горшки.

Голубое Перо рассказывала дочери, как их предки научились делать посуду из глины.

Однажды их племя стояло у реки, куда женщины ходили за водой, а мальчики гоняли туда мулов и лошадей на водопой. Дети часто приходили к этой речке и играли, делая из грязи куклы, людей и зверей.

Настал жаркий месяц – июль, трава в долинах высохла, сожгло ее солнцем, скоту мало было корма. Индейцы разобрали свои вигвамы, сложили их на мулов и двинулись в горы, к лесам, где было больше корма. Там пробыли они жар-

кое лето и с наступлением осени снова вернулись к тем местам, где были весной.

Мать отправилась к реке с детьми и нашла там куклы, которые слепили дети еще весной из желтой грязи. Тогда она попробовала слепить себе горшок из той же грязи, высушила его на солнце и налила водой. Но горшок скоро раскис. А другой горшочек поменьше, который слепили дети, попал нечаянно в костер, разведенный для обеда, и, когда огонь потух, дети нашли его и наполнили водой. Вода держалась.

Увидела мать это и попробовала слепить себе другой горшок. Слепив его, она стала держать его на огне, долго держала, а потом, когда он остыл, налила водой. Вода не размочила горшка. Мать сделала другой горшок, опять обожгла его на костре, – вода держалась. Тогда об этом узнал вождь племени и сказал другим женщинам, чтобы поучились у этой женщины делать горшки. И с тех пор индейцы умеют делать горшки.

Голубое Перо делала теперь не только такие простые горшки, как делали ее предки. Она брала сухую глину или осколки разбитой глиняной посуды и, рассыпав ее на большом гладком камне, размельчала другим камнем, размалывала. Потом она подбавляла немного воды и делала глиняное тесто. Затем из этого густого теста она делала круглое блюдечко, основу сосуда.

Дети любили эту работу матери и обыкновенно при этом не отходили от нее ни на шаг, всячески стараясь ей помо-

гать, а Белое Облако сама могла делать такую же посуду, как и мать.

Глиняная посуда индейцев.

Когда донышко было готово, глина скатывалась длинными валиками, и этими валиками обматывалось приготовленное блюдечко. Валики осторожно и прочно прилеплялись к основе. Так навертывался валик за валиком, все выше и выше, а привычные пальцы ловко разминали их и придавали

сосуду желательную форму.

Когда, наконец, сосуд был готов, Голубое Перо брала твердую палочку и тщательно оскабливала его неровности и шероховатости как внутри, так и снаружи. Вот и гладкий горшок. После этого мать стала макать заячью лапку в какую то жидкость и тереть лапкой по сосуду, а потом полировать его маленьким камешком. Горшок становился гладким и блестящим.

– Ну, а теперь надо покрасить, – сказала она Белому Облаку.

Та принесла несколько маленьких горшочков с красками, и Голубое Перо стала выводить на горшке затейливые узоры. А в это время другие дети уже разводили огонь недалеко от вигвама в очаге, сложенном из камней. Когда горшок был готов, мать осторожно переносила его в очаг и оставляла его там до тех пор, пока он совсем не закалялся.

Зная, что белые любят разные фигуры, Голубое Перо делала часто горшки в виде утки или в виде овцы. И действительно, такие горшки у нее покупали охотно.

IV. Как женщины спасли свой народ

Вечером собрались у вигвама Ягу и удивлялись мужеству и ловкости женщины, убившей медведя, подкравшегося к детям. Ягу молча и задумчиво слушал, глядя на тлеющий костер и раскуривая длинную трубку.

Молодежь особенно восхищалась мужественным поступком женщины потому, что индейцы считали вообще женщину ниже мужчины, думали, что женщина не способна на то, на что способен отважный мужчина.

Хмурил свои седые, нависшие брови Ягу. Наконец, он положил трубку около костра на бревно, и все поняли, что Ягу хочет что-то сказать, и сразу же замолчали.

– Не так говорите вы, – сказал он. – В прежнее время не думали так о женщинах. Мудрые люди относились с одинаковым уважением и к мужчинам и к женщинам. Послушайте, что однажды случилось:

Как-то две индейские женщины попали в плен к другому, враждебному племени. Враги обещали женщинам свободу, если те поведут вражеских вождей и воинов к тому месту, где скрывались родственные женщинам индейцы.

Женщины задумались. Но потом объявили, что они готовы повести врагов своих, – вождей и их воинов, – готовы

предать свой народ, пусть только соберут много-много лодок и едут за ними по реке. Все обрадовались, уселись в лодки. Много-много поплыло лодок по реке, много сидело в них храбрых воинов, а впереди всех плыла лодка, в которой сидели обе женщины. Лица женщин были серьезны, сердце их сжималось от предчувствия того, что будет.

Река становилась все у́же и у́же, течение все быстрее и быстрее. Вожди, ехавшие сзади на лодках, крикнули женщинам, уверены ли они, что показывают им правильный путь.

– Это самая кратчайшая дорога туда, куда вам нужно, – отвечали те. – Приготовьте луки и стрелы, скоро, конец путешествию.

Женщины поднялись в лодке. А течение становилось все быстрее, бурлила вода вокруг лодки, с шумом клокотала около прибрежных камней. Женщины побросали теперь свои весла в воду и торжественно, как бы молясь, смотрели вперед. Вдруг лодка их остановилась, они испустили громкий воинственный клич своего племени. Еще минута, и лодка их закружилась, ударилась о скалу и помчалась вниз, где был водопад.

Погибли женщины, но погибли и все лодки, ехавшие за ними, погибли все вожди и храбрые воины, а племя, к которому принадлежали женщины, спаслось.

И теперь всегда во время праздника женщины поют хвалебную песнь этим двум бесстрашным женщинам, спасшим

свой народ. Память о них не исчезнет никогда.

V. Жизнь детей

Долго сидел на озере в своей пиро́ге Летящий Лис, терпеливо выжидая, не клюнет ли рыба. Солнце палило уже сильно, а он ничего не поймал. В это время пришел к озеру и Заячий След. Заячий След неудачно охотился и стал предлагать брату пойти с ним подальше в лес на реку, где и теперь, в жаркое время дня, можно было поймать что-нибудь. Там водилось много рыбы. Летящий Лис свернул свою удочку, и братья отправились.

Хотя Заячий След был еще молод, но он вел себя как взрослый индеец. Он шел с серьезным, сосредоточенным видом, и от его внимания ничто не укрывалось в лесу. Часто ходил он на охоту с отцом, часто сидел около взрослых, когда Ягу или Кагаги рассказывали о старине, рассказывали про отношение индейцев к миру, к природе; Заячий След все это запоминал и сам проникался таким же отношением.

Этот лес, которым он шел, ручьи, камни, птицы, солнце, – все было полно для него особого значения, все было ему родственно, все жило. Правда, он не знал научных названий растений, не знал зоологических названий животных, он не изучал астрономии. Зато он знал звезды и созвездия, их взаимное расположение, их пути ночью. Он в лесу легко находил дорогу домой ночью, так же как и днем. Он мог определить самым точным образом по солнцу и по звездам время дня

и ночи. Ему не нужны были часы.

Вот вспорхнул зимородок с белым ошейничком. Заячий След проводил его взглядом.

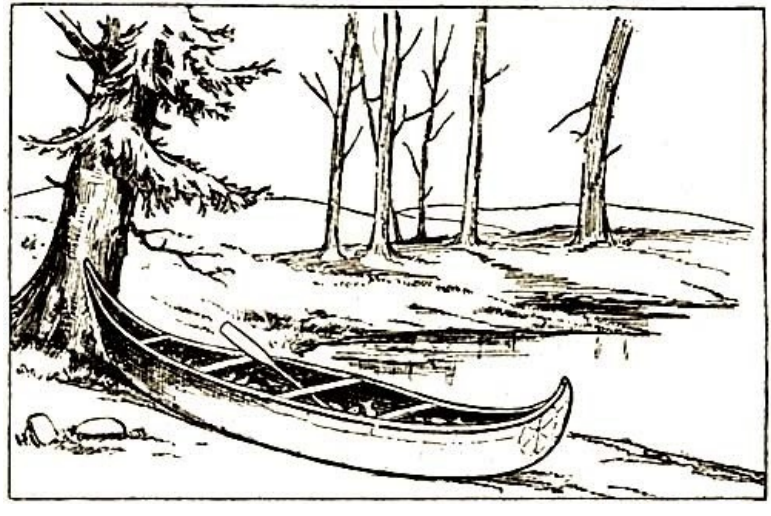
– Ты знаешь, отчего у зимородка ошейник? – спросил он брата.

– Нет. А ты знаешь? Расскажи.

И брат стал рассказывать.

У великого Минабожу был волк, который ходил для него на охоту. «Брат мой волк, – говорил ему Минабожу, – никогда не переходи реку, потому что тебя может схватить водяной дух». Но как-то волк поймал гуся и волочил его. Волк устал, на пути ему встретился поток, и он попробовал переплыть его. Водяной дух сейчас же его схватил, и Минабожу не дождался в тот день своего волка, остался без ужина. На следующий день Минабожу увидел зимородка, сидевшего на дереве у реки. «Брат мой, – обратился к нему Минабожу, – не можешь ли ты мне сказать, куда девался брат мой волк?» – «А что ты мне дашь, если я скажу?» – отвечал зимородок. – «Я тебе надену вокруг шеи прекрасный ошейник», – отвечал Минабожу. И зимородок рассказал Минабожу, что волка утащил водяной дух. «Слушай! – сказал зимородок. – Когда высоко поднимется солнце, водяной дух выйдет из реки и ляжет отдыхать на волчьей шкуре. Черепаха сядет на камне и будет сторожить его сон. Медведь тоже будет стоять на страже за деревом. А я буду сидеть на дереве и сторожить, не появится ли где Минабожу. Все мы друзья,

все друг за друга. А может быть ты и есть Минабожу?»



Лодка индейца.

Минабожу ничего не ответил, надел зимородку обещанный ошейник; с тех нор он и носит его всегда. Тихо уселся Минабожу под деревом, затаил дыхание и стал караулить. Когда водяной дух вышел из реки отдыхать, Минабожу незаметно подкрался к нему и отнял у него своего друга волка.

– Ух! – произнес Летящий Лис, как говорили взрослые индейцы: – хорошая история!

Мальчики пробирались дальше и дальше в лес, и от их внимания не укрывалось ничего. По едва уловимым знакам,

по оставленным на влажной земле следам, они точно могли сказать, кто здесь был и давно ли, прошел ли здесь белый или же индеец. По оставшимся нескольким перьям и совершенно свежим следам Лисицы Заячий След точно определял, что не дальше как вчера, а то даже, может быть, и сегодня утром, лисица поймала здесь зазевавшегося тетерева и расправилась с ним. По тону крика, который раздавался в листве деревьев, дети знали, что недалеко скрывается куропатка с детьми и дружественные ей птицы предупреждают ее об опасности. От долгой жизни в лесу этим детям стал знаком язык птиц и зверей, их нравы и обычаи, знакомы так, как никому из лучших ученых натуралистов.

Все в природе живет, дышит, имеет свой голос, только надо уметь понимать его. Дети знают, что мудрый индеец все может понять; знают они, что и они будут понимать все, только надо научиться прислушиваться к тому, что шепчут деревья, о чем задумались камни, что несет с собой ветер.

Индеец верит, что все в природе ему родственно: и быстрая лань, и тенистое дерево, и обросший седым мхом камень. Всех их он считает своими братьями.

Дети знали травы, знали, какая трава полезна в болезни, какую траву можно было варить с зернами кукурузы; знали дети, какие травы надо собирать и сушить, чтобы мать могла приготовить отвар, которым она будет красить сделанные ею горшки или одеяла, а ребята – свои мокассины.

Дети знали эти травы, потому что привыкли собирать их

с матерью и потом помогать ей сушить их, варить отвар. Знали и лекарственные травы, потому что собирали их с Великим Лекарем. Великий Лекарь ничем не занимается, ни войной, ни охотой, а живет в своем вигваме и лечит людей, когда нужно. А в летнюю пору соберет детей, пойдет с ними в лес собирать травы, рассказывает детям, какая трава помогает от какой болезни.

Подвигаясь все дальше, Заячий След отламывал или надламывал веточки и листья у деревьев. Он знал, что если они заблудятся в лесу, то он по оставленным таким образом следам легко может найти дорогу назад.

У мальчиков не было с собой компаса, но они знали направление и днем и ночью. Днем они определяли направление и по солнцу, и по деревьям, и по цветам. Они знали, например, что на южном склоне гор деревья бывают зеленее, чем на северном. Они знали растения, листья которых стремятся обратиться к северу. Если же не было и этих признаков, то они узнавали направление по полету птиц. А ночью они знали звезды, их пути и расположение, знали так, как любой образованный моряк.

На рыбной ловле.

Знал Заячий След, какое время лета было теперь; он твердо знал это по тому, как и какие расцветали цветы, какая вырастала трава, деревья, какие пели птицы. Вывелись ли на озере дикие утята, скоро ли собираются в отлет дикие гуси, – все это было известно ему. Он знал нравы и обычаи обитателей леса, их намерения, так же как знал жизнь своих соседей, людей.

И его маленький братишка Летящий Лис жадно вслушивался в то, что говорят старшие, – ему хотелось быть таким же, как и другие: ловким, сильным, мужественным и мудрым индейцем. Он и теперь уже многое знал, со мно-

гим сжился, а его инстинкт поможет ему сделать остальное.

Когда дети дошли до реки, солнце уже пошло к западу.

Они поймали несколько рыбок, изжарили их тут же, закусили ягодами, но сколько потом ни сидели неподвижно над задумчивой рекой, ничего не ловилось. Пора было итти домой.

Ловя рыбу, Заячий След зорко следил за движениями Анжидомо – белки, которая вертелась около них, беспокойно шныряя с дерева на дерево. Вдруг Заячий След вскочил и бросился к высокому дереву, на котором только что сидела белка. Белка прыгнула на другое дерево и беспокойно оглядывалась на индейца, как бы заманивая его к себе. Но Заячий След не обращал на нее никакого внимания, а взбирался на огромное дуплистое дерево, с которого только что спрыгнул пушистый зверек. Белка беспокойно вертелась в ветвях соседних деревьев, а мальчик взбирался все выше и выше, зорко вглядываясь в каждое дупло. Наконец, он остановился и крикнул своего брата. Когда тот подбежал, Заячий След стал швырять пригоршни орехов, которые заготовила себе здесь еще прошлую осень запасливая белка. Мальчики ограбили ее магазин, забрав с собою и зерна кукурузы, которые белка, должно быть, утащила из их магазина. Теперь они поквитались, утолят свой голод и не будут обижать дома мать и сестру с маленьким ребенком, которым достанется больше пищи.

– Не горюй, Анжидомо, – проговорил мальчик, спускаясь

с дерева – теперь в лесу много запасов, не ленись только собирать.

Солнце уже скрылось, спустились тени, на западе загорелась вечерняя звезда. Мальчики знали эту звезду. От старших они слышали, что она была сестрой одного маниту, доброго духа.

Маниту и сестра жили дружно и любили друг друга, но вот однажды сестра сказала брату: «Я исчезну, милый братец, но ты не горюй. Смотри вечером на небо туда, где опускается солнце, смотри на небо утром туда, где подымается солнце, – ты увидишь меня».

Сестра исчезла, и брат стал смотреть туда, куда указала ему сестра. Он скоро увидал прекрасную звезду, которая каждый день являлась, как только скрывалось на западе солнце, и ласково мерцала своему брату, чтобы ему не было скучно.

VI. Одеяло

Еще рано весной, как только наступили теплые дни, Голубое Перо решила, что пора собирать шерсть с овец. Хотя в семье и было довольно одеял, но Голубое Перо никогда не любила сидеть без дела, а потом она знала, что лишнее одеяло можно обменять в городе у купца на кукурузу, пшеницу, соль, и тогда не так голодно будет прожить до того времени, когда они соберут свои урожай.

Шерсть доставали со своих овец. Это бывало самым занятным временем для мальчиков. Оба отправлялись ловить овец, которые отчаянно отбивались от них. Наконец, поймают овцу, положат ее на землю, мальчики крепко держат ее за ноги, в то время как она жалобно кричит, боясь, как бы ей не причинили беды.

– Да не кричи, – успокаивает ее Заячий След, – тебе же легче будет летом, когда так жарко даже и без твоей шубы.

Расческа волны.

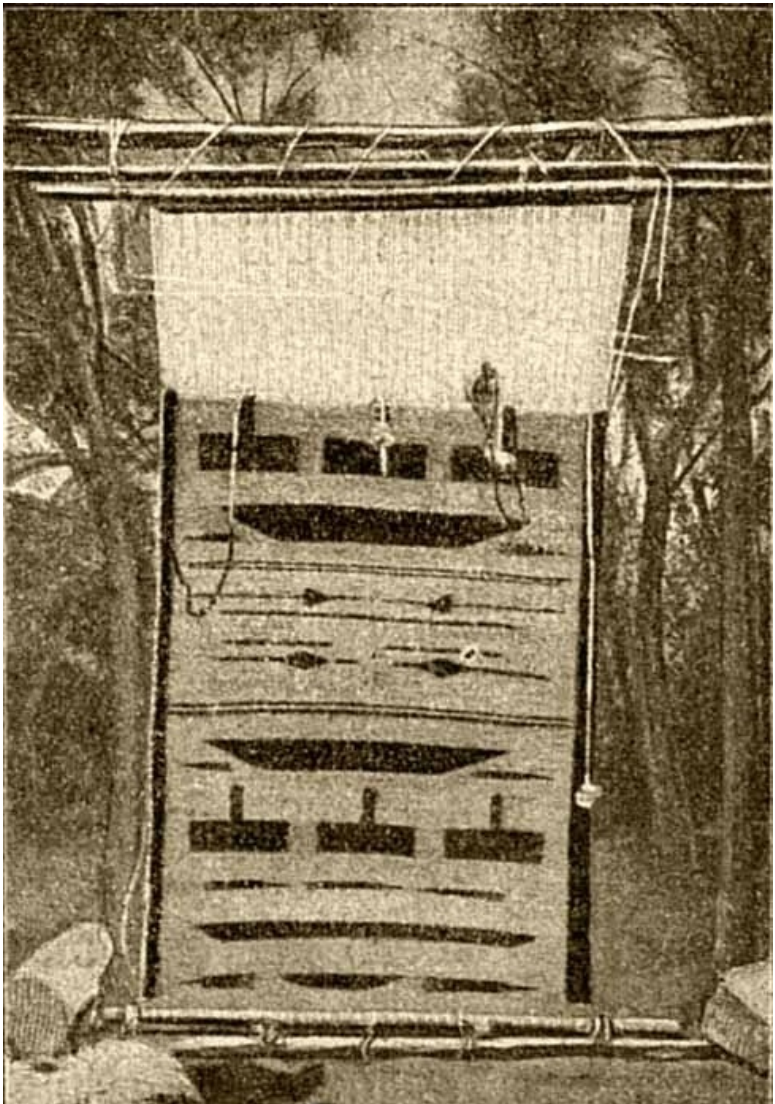
Приготовление пряжи.

А мать в это время ловко и быстро стрижет овцу. Вот одна готова, за ней другая, третья. И около матери на земле уже целая груда грязной шерсти. Теперь надо ее очистить от репяков, от колючек, вымыть, и мать с дочерью Белым Облаком усердно заняты все свободное время этой чисткой. Они расчесывают ее грубыми, простыми гребнями. А потом Голубое Перо наворачивает шерсть на палку и прядет длинные-длинные нити.

Теперь надо приготовлять краску. Заячий След еще в прошлом году собрал разные травы, на которые указывала ему

мать. Мать заготовила, кроме того, особую землю, которую она высушила на огне и размельчила в порошок. Теперь только оставалось вскипятить в горшке воду с листьями да подбавить порошку, чтобы получить краску. Когда приготовили черную краску, Заячий След принес несколько пар заранее приготовленных мокассин[4] и воспользовался случаем, чтобы и их покрасить. Он опустил их в краску и, действительно, спустя некоторое время вынул оттуда прекрасно окрашенные черные мокассины.

[4] Индейская кожаная обувь.



Ткацкий станок индейцев.

Когда и нитки были окрашены в черную и красную краску, мать принялась ткать одеяло. Она выбрала около вигвама поудобнее деревья, положила на них несколько палок и устроила себе ткацкий станок. День за днем ткала она одеяло. Когда матери бывало некогда, приходилось возиться с ребенком или по хозяйству, Белое Облако бралась за работу, и одеяло подымалось все выше и выше, пока, наконец, не дошло до верхнего конца станка. Теперь оно было готово.

Заячий След привел и оседлал матери лошадь, и она, захватив ребенка и одеяло, отправилась к купцу продавать его. Долго ей пришлось ехать, и когда она принесла купцу одеяло, он, правда, дал ей и кукурузы, и пшеницы, и соли, но всего дал меньше, чем в прошлом году. Мать смотрела на него удивленно, спрашивая на ломаном языке, почему она получила теперь меньше, чем в прошлом году. Купец старался разъяснить ей, что в прошлом году был урожай, все было дешевле, а теперь будет неурожай, засуха, все становится дороже, вот он и дает ей меньше.

Но Голубое Перо не понимала этого. Когда нужно было менять что-нибудь у своих же индейцев, те никогда так не делали, те всегда обменивали одинаково.

Ей казалось, что если будет неурожай, то надо дать больше зерна, а не меньше. «Белый обманывает, как всегда нас обманывают», думала бедная женщина, но итти больше бы-

ло не к кому; она отдала свое одеяло и, взвалив на лошадь все полученное от купца, с негодованием на белолицого отправилась в обратный далекий путь.

Поздно вечером вернулась Голубое Перо домой. Вся семья собралась за ужином и, когда ужин кончился и отец закурил свою длинную трубку от угольков разложенного около вигвама костра, мать стала рассказывать о том, как она была у купца, и как тот обидел ее: дал меньше, чем следует.

Отец сосредоточенно и серьезно ее слушал, не проронив ни одного слова. Только изредка попыхивал из его трубки дымок.

– Белые всегда так поступали с нами, – сказал он. – Белый не любит индейца и всегда хочет его обидеть.

Вор-ра-пи говорил это спокойно, без раздражения. Он не злился на белых, потому что думал, что белые и не могут поступить иначе. Сосредоточенно глядел он на огонь и знал, что хотя это и обман, но надо к этому относиться так спокойно, как, и к другим несчастьям в жизни: пожару, граду. Помолчав немного, он продолжал:

– Старики рассказывают, что раньше было не так, Жили мы в других местах, много было земли у нас, много зверя водилось в лесах, много рыбы было в озерах. Пришли белые, – и стало хуже. Раньше вся земля была наша, а теперь у нас мало земли; только там и можем мы жить, где позволят нам белые. А было время, когда белые просили у нас позволения селиться на земле.

– А давно было это время, отец? – спросил его Заячий След, и глаза его горели при этом вопросе от скрытой, затаенной обиды.

– Давно. Старики слыхали от стариков. Много, много лун уже прошло; только старики хорошо знают, как было дело, и рассказывают про это всем молодым, кто хочет слушать.

Вор-ра-пи закрыл глаза, задумался, потом медленно снова затянулся из трубки.

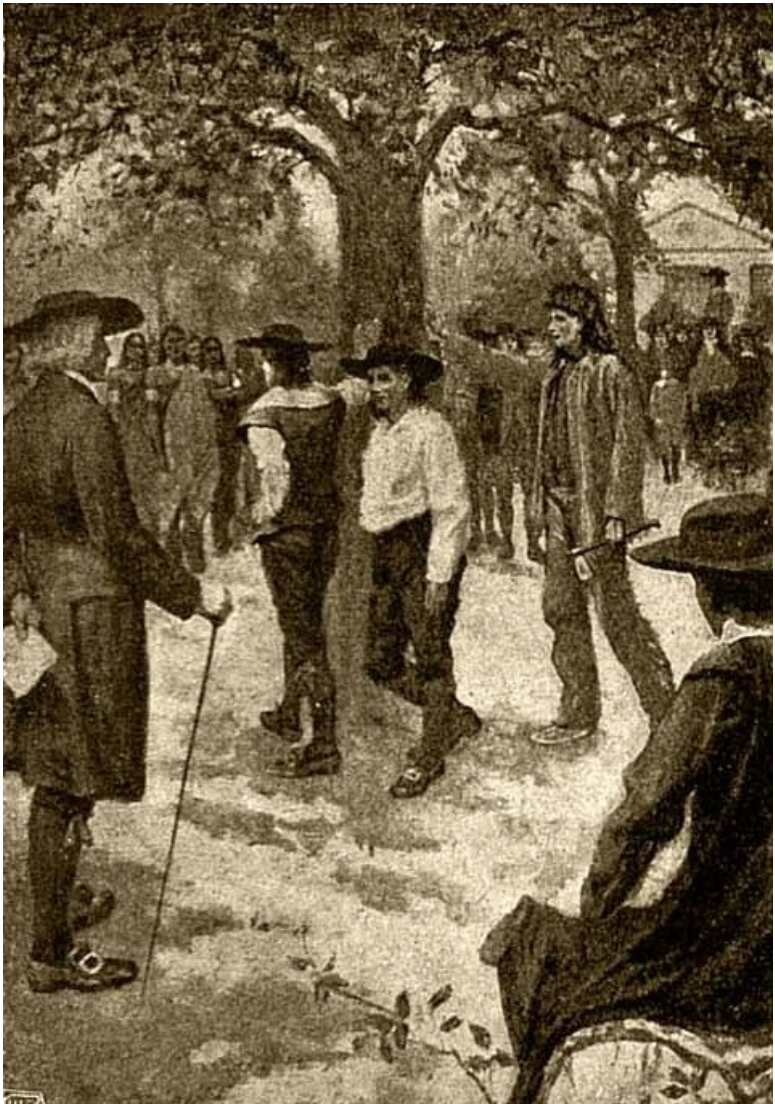
– Отец, расскажи, как это было, – проговорил Заячий След, когда подметил, что отец его вышел из задумчивости и к нему можно обратиться.

Летящий Лис молчал, но тоже зорко следил за отцом. Он был еще слишком мал; ему не позволялось задавать вопросов старшим, ему можно было только слушать, когда старшие говорят.

Мать взяла с собой ребенка и одеяла и поехала к купцу.

– Вот как было, – проговорил отец и снова замолчал, как будто припоминая те выражения и подробности, которые он сам слышал от стариков, – припоминал, чтобы в своем рассказе ничего не пропустить, ничего не напутать.

И сын слушал его с напряженным вниманием: ведь и ему придется когда-нибудь рассказывать другим, и ему нужно запомнить в точности все, каждое слово.



Квакеры и индейцы собрались распределять землю.

Вор-ра-пи затянулся, оглядел потом свою трубку, выколотил пепел о камешек и начал свой рассказ.

Пришли белые. Они были не такие, как теперь. Приехали они издалека и переехали через большое, большое озеро. Их мучили там, где они раньше жили, они и ушли оттуда и, придя к нам, просили нас дать им земли. Старики встретили их дружественно, раскурили с ними трубку мира и дали им земли. Старики указали, какую землю могут занимать белые. Потом пришли другие белые, друзья тех, кто раньше пришел. Старики видят, что белые не дерутся, дружески относятся к ним, – дали и вновь приехавшим землю. Теперь белые, когда дают нам земли, они ходят с веревкой, ставят везде столбы, а наши деды не так делали. Они сказали белым: берите столько земли, сколько может обойти в один день человек. И вот тут белые нас обманули; увидали наши деды, что много хитрости и лукавства в белых и что хотя они и кажутся друзьями, а па самом деле они враги наши, всегда готовые нас обмануть.

И Вор-ра-пи снова замолчал и задумался.

Когда наши вожди говорили: берите столько земли, сколько может обойти в один день человек, они думали, что белые будут делать так же, как и мы. Когда мы переезжаем с вигвамами, мы не спешим, а когда попадаем на новое место, не рубим напрасно деревьев, не убиваем напрасно зверей и птиц.

Когда настал день отмерить землю, собрались к белым наши вожди, а вождь белых объявил своим людям, что тот, кто может дальше других пройти за день, тот получит от него много-много денег и, кроме того, 150 десятин земли. Пришли три человека. Все стали около большого ореха, его теперь нет, а на его месте белые, говорят, поставили большой каменный памятник. Как только показалось солнце, начальник белых махнул рукой, и три человека, стоящих около ореха, пошли. Они шли очень-очень быстро, не останавливаясь, не отдыхая. Наши вожди шли за ними и сразу поняли, что белые поступают нечестно. Начальник белых еще раньше тайно приказал, чтобы везде, где будут проходить лесом, срубили деревья, прочистили кусты, чтобы легче было итти. Сами же белые ехали на лошадях. Наши вожди стали говорить, что пора отдохнуть, пора посидеть, покурить трубку, но белые не слушали их и все бежали дальше и дальше. Стали наши вожди уставать, стали говорить, что не могут они дальше итти, надо отдохнуть. Но белые не слушали их, а чтобы наши вожди могли смотреть, что эти три человека не едут, а идут, дали нашим вождям лошадей.

Индейцы негодуют, что белые идут быстро и без остановок.

Но когда солнце стало прямо над головой, один из бежавших упал, обессилел, его взяли и отвели домой и он скоро умер. Прошло еще немного времени, и при переходе реки упал в нее и другой шедший. Он не утонул в реке, но и он умер через три дня. А третий, оставшийся в живых, шел все дальше и дальше. Наконец, солнце стало спускаться, и, когда оно совсем склонилось к западу, белый начальник приказал остановиться. Тот белый, который шел, так и повалился на землю. Он не умер, но долго болел, все лежал в своем

вигваме, и ему ни на что не нужны были ни деньги ни обещанная земля.

Собрались наши вожди и стали думать, что делать. Белые решили так, что не нужно обходить землю кругом, а от того места, до которого дошли; они стали ездить в разные стороны и говорили, что все это теперь их земля. И вышло так, что к белым отошла и вся река, где было столько рыбы, и леса, и все наши земли, где мы жили. Наши вожди порешили возвратить белым подарки, которые получили от них, и взять обратно землю. Но белые не согласились на это. Долго просили наши вожди белых не обижать их, не обманывать, жить в мире. Белые ничего не слушали, смеялись. Тогда наши вожди увидали, что надо силой отымать ту землю, на которой мы жили. И стали наши воевать с белыми, но у белых много было ружей, были пушки, – и наши гибли. Пришлось уходить с своих мест все дальше и дальше.

С тех пор мы не верим даже самым лучшим белым. Все они – обманщики, – заключил свой рассказ Вор-ра-пи[5].

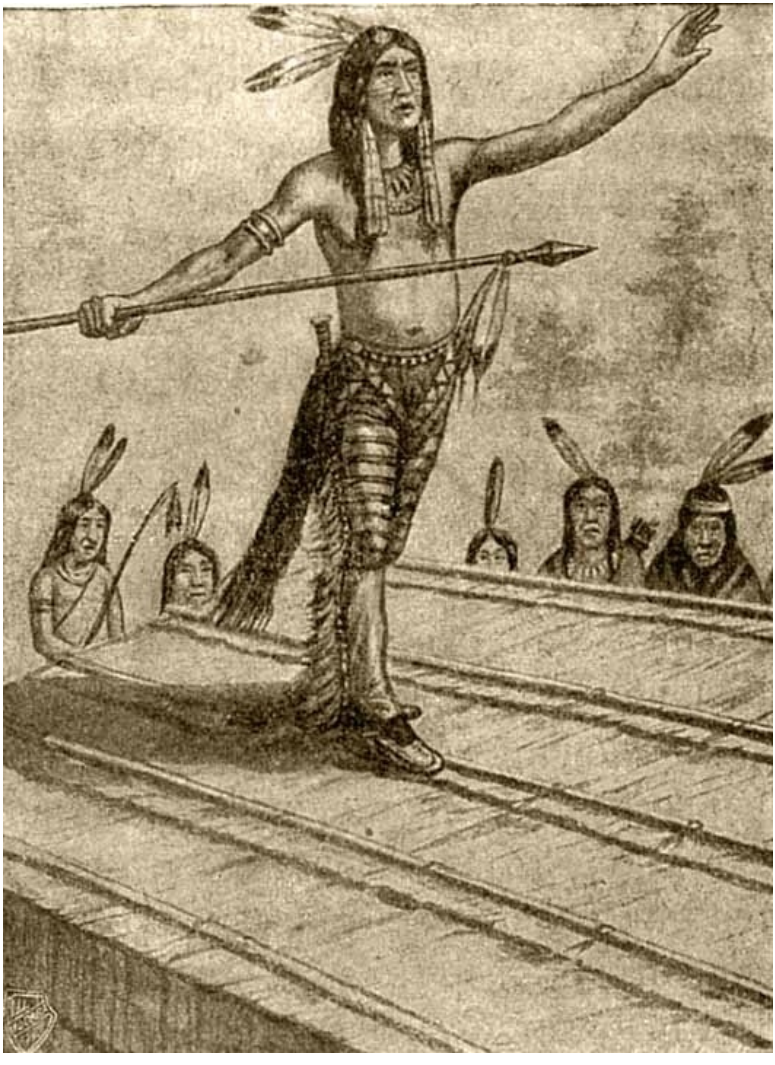
---

[5] Рассказ этот не есть вымысел, а настоящий факт. Действительно, квакер Вильям Пенн купил у делаверских индейцев кусок земли, где находится теперь Филадельфия. Он купил на таких условиях, что квакеры (религиозная секта в Англии, притесняемая правительством) получали столько земли, сколько можно обойти в один день. Но границы не были точно определены. Индейцы мирно и доверчиво жили с Вильямом Пенном. Спустя много десятков лет внуки Пенна, после смерти своего деда, захотели точно определить границы и при этом было поступлено так, как рассказано здесь. Внуки Пенна воспользовались наивностью и доверчивостью индейцев и провели линию к северу такой длины, как было пройдено одним из ходоков. От конца этой линии провели перпендикулярную,

и таким образом захватили у индейцев больше миллиона акров (около 400 000 десятин) земли, и индейцы вынуждены были отступить к западу. Индейцы долго защищали оружием свои владения, но безуспешно. Насколько был мирного характера Вильям Пенн, настолько были жестоки и бессердечны его потомки: они платили известную сумму за голову каждого индейца и безжалостно их истребляли.

VII. Вызывание дождя

Купец, купивший у Голубого Пера одеяло, правду говорил, что предвидится неурожай. Стояли страшные жары. Солнце палило и жгло траву и посевы. Индейцы глядели с грустью, как скот их с каждым днем тощал все более и более, глядели на свои посевы, на то, как беспомощно опускались плети и листья тыкв, и предвидели голодное время. Надо бы дождя, но на раскаленном небе не было ни облачка, и солнце каждый день подымалось и опускалось в раскаленном душном воздухе. Женщины пришли в волнение и стали умолять вождей народа вызвать дождь. Не раз уже и вожди собирались на совет и, наконец, решили вызвать дождь.



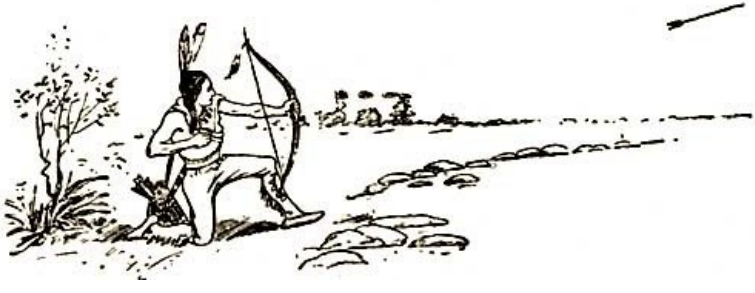
На помост гордо всходит Вор-ра-пи.

Выбор упал на мужественного, красивого, сильного Вех-ки; он должен был вызвать дождь. Весь народ собрался к вигваму Врачевателя; построили около вигвама помост, и на помост этот взошел Вех-ки. Целый день стоял он на помосте, перебирая четки, в то время как внизу, в вигваме, собрались старики с Врачевателем и возносили мольбу Великому Духу, чтобы он оглянулся на Вех-ки и оросил его живительной влагой. Целый день стоял Вех-ки и глядел то на небо, то на собравшийся внизу народ. Солнце склонялось к закату, а воздух был так же накален, как и раньше, нигде ни облачка… Солнце зашло, спустился с помоста и Вех-ки и молча удалился в лес. Теперь он навсегда обесславлен, теперь он будет скитаться в чужих местах, не смея показаться на глаза своему народу.

На следующий день на помост гордо всходит серьезный, мужественный Вор-ра-пи. Он громко и грозно произносит что-то, обращается к солнцу, потрясает копьем и с уверенностью говорит собравшемуся народу, что дождь будет, будет сегодня. Народ приветствует его громкими кликами, заражаясь его уверенностью.

Вор-ра-пи берет лук, натягивает крепкую жилу тетивы, спускает ее. С звенящим свистом срывается с тетивы стрела и, прорезывая накаленный воздух, скрывается вдали. Еще и еще стрела. Время идет, медленно проходит солнце

по небосклону, с отчаянием глядит народ на уверенное, мужественное лицо своего любимца, на голове которого колеблются орлиные перья, а сзади, над гетрами из овечьей шкуры, развевается лисий хвост.



Вызывание дождя.

– Будет дождь, – кричит народу Вор-ра-пи. – Не успеет зайти солнце, как будет дождь. О разверзнитесь, небеса! – восклицает он, глядя вверх. – Придите к нам от далекого, безграничного озера, благодатные тучи, пролейте на наши гибнущие посевы свою живительную влагу, напойте истощенную землю!

Еще и еще прозвенела стрела. Вор-ра-пи зорко взглядывается в даль. Вон там, на юго-западе, показалось что-то. Это маленькое облачко. Оно все ближе и ближе. Вот листья на осине быстро затрепыхались, и как будто их трепет сказал что-то листьям других деревьев, и они радостно зашептали

и затрепетали. Подул, наконец, легкий ветерок, и все вздохнули, – вздохнули вздохом облегчения.

Вор-ра-пи спокойно и серьезно смотрит на приближающуюся тучу, все чаще и чаще подымаются вихри ветра, кружат на голове его орлиные перья, подхватывают его развевающийся лисий хвост. И вот, наконец, упала одна, другая крупная капля, и зашлепал по пыльной, сухой земле дождь.

Народ славит Вор-ра-пи. Он будет считаться великим. Отныне Вор-ра-пи будет великим лекарем.

Но как же Вор-ра-пи мог так отгадать, что будет дождь? Почему он так был уверен?

Индеец ответит на это, что, когда их мудрый вождь умеет угодить Великому Духу, он может узнать и его волю, может умолить его сделать то, что нужно народу. Белый же, который внимательно присматривался к жизни индейцев, изучал их нравы и обычаи, ответит на это, что ничего удивительного нет в том, что Вор-ра-пи предсказал дождь. Белые устраивают метеорологические обсерватории, пользуются дорогими приборами и могут предсказать погоду за несколько дней вперед. У индейца такими дорогими приборами служат его глаза, наблюдательность, ум и уменье связывать свои наблюдения над природой. По многим неуловимым для белого явлениям индеец может заметить наступившее изменение в атмосфере и безошибочно предсказать грозу, бурю, дождь. Может это сделать так же, как и его соседи, обитатели лесов, звери и птицы. Вот почему и Вор-ра-пи предсказал народу

дождь.

VIII. Как явилась водяная лилия

Почти каждый вечер собирались на лужайке около вигвама Ягу и старые и молодые. Вели тихую беседу, курили трубку мира, иногда Ягу рассказывал им истории и сказки, которые всегда внимательно выслушивались всеми.

Но не было на этих собраниях женщин. Женщины обыкновенно бывали заняты хозяйством, детьми; редко-редко когда молодые девушки соберутся к старой-старой Опечи, усядутся смирно вдоль стен вигвама, и та слабым голосом рассказывает им сказки. Но никто и думать не может, что это сказки, небылица, всякий считает их за истинную быль.

Однажды вечером старая Опечи рассказала своим молодым слушательницам про то, как явилась водяная лилия, которой и старый и молодой всегда любуются, когда она растет на тенистых, задумчивых тихих прудах.

Вот что рассказала Опечи:

«В старину все были счастливы. И взрослые мужчины и женщины были так же счастливы, как и дети. Звери подходили к людям, когда те их звали. Много было везде пищи. Зимы были не такие холодные, как теперь. Все время как будто стояла весна, днем было не жарко и ночью не холодно.

А сколько птицы было в лесах! И какие птицы! Голубые, красные, желтые, – самых разнообразных цветов, какими те-

перь раскрашивают себя храбрые воины. Птицы эти постоянно пели, и воздух полон был чудесной музыкой их пения. Каждое племя индейцев поступало по правде, и не было на земле войны. Долгое время люди и но знали, что такое драка.

Индейцы садились каждый вечер около своих вигвамов, смотрели на небо и любовались звездами. И увидели однажды индейцы, как одна звездочка покинула небо. Она прошла к земле половину пути и остановилась. Звездочка эта была как огненная птица.

Одному храброму юноше приснился сон об этой звезде, и он поверил ему. Приснилось ему, что явилась к нему во сне звезда и стала около него, как прекрасная стройная девушка. Она заговорила с ним и сказала: „Я покинула мое жилище на небесах. Я увидела краснокожих и полюбила их. Спроси у своих вождей, какой нужно принять мне вид, чтобы я всегда могла находиться около вашего народа и чтобы народ любил меня“.

Юноша проснулся и пошел на совет вождей. Он рассказал, что видел. Мудрые вожди сказали: „Пусть звезда сама решит, какой ей принять вид. Она может поселиться и на верхушке сосны и в сердце цветка, везде она может жить и будет приятна нам, и мы будем любить ее“.

И мудрые вожди набили свои трубки мира табаком и предложили дым их трубок звезде в знак своего привета и любви.

А звездочка спустилась еще ниже, осветила все селение ярким светом и спряталась в белую розу, что растет на горе. Но ей было очень одиноко на горе. Не могла она видеть народа, который так полюбился ей, не могла слышать его речей. Тогда она покинула горную розу и, спустившись, в степь, поселилась в степном цветке. Но огромные стада бизонов проходили по степи мимо цветка, и цветок постоянно дрожал при звонком стуке копыт бизонов.

И увидели мудрые люди, как звездочка поднялась со степи. Они испугались, думая, что звездочка опять хочет вернуться на небо. Но подул нежный ветерок и отнес звездочку к озеру. Звездочка увидела в озере свое отражение, увидела она отражение там и своих сестер, которые были на небе, и остановилась на озере, как лодочка. На следующее утро все озеро было покрыто водяными лилиями.

– Расцвела наша ночная звездочка, – говорили маленькие дети. А мудрые люди сказали:

– Наконец-то белая звездочка пришла жить с нами.

И вышел весь народ, сел в лодки и запел песню новому цветку»…

IX. Как орел спас мальчика

В то время как Опечи рассказывала истории женщинам, молодежь собралась около старого Шин-ге-бе и, молча усевшись на траве, ждала, не расскажет ли он интересной истории. Шин-ге-бе, обращаясь к Заячьему Следу, спросил его:

– А знаешь ты, отчего индейцы носят в волосах орлиное перо?

Заячий След слышал уже, что этот обычай индейцев установился потому, что трудно убить гордую птицу, всегда парящую в недоступных стрелам высотах. Он знал это, но из приличия промолчал, предпочитая, чтобы старик Шин-ге-бе сам объяснил ему.

– Потому носит индеец орлиное перо, что орел благородный наш брат. Орел не обидит напрасно. А был один раз и такой случай, когда орел спас нашего мальчика. Слушайте, как это было.

Все сидели и без того молча и внимательно вглядывались в старого Шин-ге-бе, но при этих словах у всех вырвался напряженный вздох, который у знакомого с приличиями индейца означает, что они все превратились во внимание и молчание.

– «Однажды мальчик Блестящий Луч охотился около высоких гор, – начал свою историю Шин-ге-бе, – и у одной скалы нашел молодого орла с подбитым крылом. Мальчик уже

привык охотиться и сразу же увидал, что орел ранен, а к раненому страдальцу надо отнестись жалостливо, помочь ему. И Блестящий Луч не выпустил в него стрелы, а ласково подошел к орленку и стал его ближе разглядывать. Должно быть, орленок выпал из гнезда, а летать еще не умел и, когда скатывался со скалы, повредил себе крыло. Блестящий Луч взял орленка осторожно в руки. Когда мальчик принес орленка в вигвам, то согрел воды, промыл рану, как делал это Великий Врачеватель, и обвязал крыло кожаными ремешками. Потом устроил ему гнездо, положил туда мху и хорошенько покормил. Орел доверчиво отнесся к Блестящему Лучу, потому что за ним ходили как за братом.

Прошел месяц, орел совсем поправился, крыло зажило, он вырос, и отец Блестящего Луча сказал сыну, что теперь пора выпустить их гостя на волю. Мальчик взял орла, посадил к себе на плечо и отправился в самую чащу леса. Он думал, что орел еще не может хорошо летать, и боялся, чтобы другие молодые охотники не подстрелили его. Когда они пришли в самую чашу леса, Блестящий Луч поднял орла и выпустил. Орел поднялся, взмахнул своими огромными здоровыми крыльями и, вдруг почуяв в себе силу, стал подниматься все выше и выше и описывать круги над мальчиком.

Когда Блестящий Луч увидал, что его друг улетел от него, он пошел домой. Но, отойдя уже далеко от того места, где он выпустил орла, и, взглянув наверх, он увидал, что орел все

кружится над ним и все смотрит на него. Видно, и орлу тяжело было расставаться со своим другом. И весь день кружился орел над мальчиком и не хотел отлетать от него. Тогда Блестящий Луч спрятался в густой кустарник, так что орел уж не мог его видеть. Орел покружился и, не найдя своего друга, взмахнул крыльями и направился к синевшим вдалеке горам.

Прошло лето, прошла зима, явилась и весна.

Снова все зазеленело и зацвело, ушел лед с озер и рек, и индейцы приготовились к охоте на рыб.

После зимней голодовки всем хотелось полакомиться свежей рыбой. Самая лучшая лососина водилась в реке не много повыше великого водопада Апахохви. Но место это было опасное: очень легко могло снести рыболова течением в водопад, и только самые смелые и осторожные решались охотиться за рыбой в этих местах.

Ранним апрельским утром, только что взошло яркое солнце, Блестящий Луч сел в пирóгу и отправился один охотиться за лососиной в самое опасное место реки над водопадом. Он и раньше тут бывал, и всегда охота сходила благополучно, потому что он был осторожен и ловко правил веслом, когда течением относило его к водопаду.

Блестящему Лучу повезло в охоте, рыбы было много, и он то и дело таскал в свою пирогу одну рыбу за другой. Он так увлекся своей охотой, что совсем не заметил, как лодку его относило все больше и больше течением к водопаду. Опом-

нился он тогда, когда было уже поздно. Пиро́гу его вдруг закружило в водовороте, затем ударило о камень с такой силой, что весло его разломилось на две части, потом пиро́га вдруг вынырнула из водоворота и понеслась вниз к водопаду.

Блестящий Луч не растерялся, он сел на корме и стал быстро грести руками, чтобы все-таки бороться с течением, прибиться к берегу, спастись от верной гибели.

А водопад все ближе и ближе, рев и стон его стоят в ушах Блестящего Луча, понявшего теперь, что все усилия его напрасны – гибель неминуема.

Тогда он стал в лодке и, обратившись на восток, запел, как это делает всякий мужественный индеец перед смертью, запел хвалебный гимн Высшему Доброму Духу.

И когда мальчик глядел в чистое, ясное яркое небо, вдруг над ним распростерлось облачко, которое закрыло от него небо. Это был орел, который, раскрыв свои могучие крылья, парил над мальчиком. Блестящий Луч взглянул в глаза орлу и сразу почувствовал в этих глазах не злобу, не охоту на него, а спасение. Лодка неслась уж к краю водопада, а орел падал ниже и ниже, протягивая мальчику свои когти. И в тот самый момент, когда лодка падала вниз, в бездну, мальчик ухватился за лапы орла и повис в воздухе.

И орел и мальчик полетели вниз в страшную пену и брызги водопада. Очень трудно было орлу нести такую тяжесть, орел отчаянно хлопал своими огромными крыльями, спускался все ниже и ниже, направляясь к песчаному берегу во-

допада.

Наконец, орел добрался до берега, мальчик опустился на песок, но и орел сел тут же, совсем истомленный. Прошло еще несколько минут, и орел снова взмахнул крыльями и медленно-медленно поднялся ввысь. Скоро он исчез из взоров мальчика».

Шин-ге-бе замолчал.

– Ух! – сказали сидевшие рядом, – вот так хорошая история.

X. Игры

Вигвамы оживились после дождя. Все были довольны: довольны были люди, доволен был и скот.

Старики стали поговаривать, что время устроить и праздники. Молодежь, присмиревшая было, тоже оживилась. Теперь чаще, чем раньше, можно было встретить группы мальчиков и юношей на полянках и открытых местах, устраивавших разные игры.

Игры у индейцев не имеют того характера, который они имеют у их соседей – белых. И это вполне понятно. Индейцу не приходится так много трудиться, как белому. Не приходится строить ему дорого стоящих жилищ, покупать одежды, заготовлять в изобилии пищу. Жилище индейца может быть построено в день-два, одежда его незатейлива, а пища раньше, до прихода белых, состояла тоже исключительно в том, что он добывал на охоте и на рыбной ловле. Теперь к этому он прибавляет немного кукурузы и пшеницы. Большая часть времени индейца уходит все-таки на охоту, на движение. А для этого надо быть ловким, сильным, выносливым. И с раннего детства индеец приучает себя к этому. Если ему еще нельзя выходить на охоту, от устраивает игры. И игры эти составляют для него важное дело, в играх должна проявиться вся его ловкость, смелость, крепость. Раньше, когда индейцам приходилось много воевать с другими враждебны-

ми им племенами, им приходилось особенно развивать свои физические силы. Убежать от врага можно было или на лошади, или на своих ногах, следовательно надо быть быстрым и приучить себя к долгому и быстрому бегу. Теперь нет уже войн между племенами, но привычка осталась; индеец воспитывается и теперь так же, как он воспитывался и раньше.

На большой лужайке собрались ребята и несколько взрослых. Взрослые выстраивают ребят в ряды, следят за тем, чтобы никто не выступил вперед. Да, впрочем, за этим особенно-то и следить нечего: сами ребята следят за собой, они привыкли к «честной», правильной игре, зная, каким позором грозит всякая фальшь. Далеко, далеко от них, на противоположном конце лужайки, под развесистым дубом стоит один из взрослых с сосредоточенным, серьезным видом и зорко всматривается в стоящих мальчиков. Заячий След сбросил свои мокассины и, весь напрягшись, ждет сигнала. Все глаза мальчиков впились в стоящего вдали индейца. Вот он поднял руку и издал резкий крик.

Игра в мяч.

Мгновенно замелькали в воздухе ноги, и с невероятной быстротой понеслись мальчики через лужайку. Мелькали ноги, мелькали слетавшие с ног мокассины вот один упал, через него быстро перебежали другие, те столкнулись между собой, у этого нос в крови, но нет стонов и плача… Старик индеец объявляет, кто прибежал первым, и побежденные приветствуют шумными криками одобрения и восторга своего соперника и победителя.

За бегом начинается игра в мяч. Игра эта не такая уж простая, как первая, в ней принимают участие и взрослые. Все разделяются на две партии, в каждой партии есть свой начальник, руководящий игрой. На огромной поляне ставят довольно далеко один от другого два высоких шеста. Каждая партия имеет свой шест; цель игры заключается в том, чтобы пригнать мяч к своему шесту.

Все участвующие в игре держат в руках загнутые палки, к которым прикреплена сетка; веревка от сетки зажимается в руке играющим.

Кто-нибудь из стариков бросает мяч, он подхватывается палкой с сеткой и отбрасывается играющим по направлению к своему столбу. Но противники не дремлют, они ловят момент, когда падает мяч, подхватывают его и отбрасывают в другую сторону. Требуется чрезвычайное хладнокровие, ловкость и быстрота, чтобы подхватить мяч и бросить его

так, чтобы он не попал к противнику. Играющие сталкиваются, сшибают с ног друг друга, часто сильно ранят друг друга, но и здесь не слышно ни стона ни крика: каждый стыдится обнаружить свою слабость. Если силы равны, партия тянется долго, пока, наконец, какой-нибудь счастливец не пригонит мяч к одному из столбов. Игра кончена. Со всех сторон раздаются радостные клики: «Ге-ге-йа-х-ни-гук!», приветствующие победителей.

Когда индейцы собрались около своих вигвамов и начались игры, они не знают усталости, – целый день проходит в непрерывной смене игр. II мальчики и взрослые все вместе участвуют в общих играх или разделяются на группы и ведут каждый свою игру. В этих играх испытывается не только ловкость ног, быстрота движений, испытывается тут и меткость взгляда, сдержанность и хладнокровие.

Самые маленькие устроили игру – метание кружка. Кружок этот металлический, и бросающий его должен пустить его вперед по гладкой дорожке как можно быстрее, чтобы он докатился возможно дальше. А с боков, далеко от дорожки, привстав на колено, стоят более взрослые мальчики. У каждого из них лук с туго натянутой тетивой и лежащей на тетиве стрелой. Кружок катится по дорожке с страшной быстротой, а сбоку свистят стрелы, ударяются в него, замедляют движение, останавливают его совсем. И чем опытнее стрелки, тем дальше они становятся от дорожки, тем труднее бывает им попасть в кружок. Старики стоят в стороне, молча

наблюдают игру и изредка произносят, к гордости стрелков, свое многозначительное «гук». Большей награды и не нужно молодежи.

Но самым любимым спортом и развлечением индейцев являются скачки. С лошадью индеец сживается с тех пор, как он начинает ходить. Это верный и лучший друг индейца с незапамятных времен. И индеец в трудную минуту жизни скорее сам будет голодать, потуже затянет свой пояс, чем заставит голодать своего друга. Правда есть и такие области, где индейцы обнищали, там у них нет ни лугов ни пастбищ, нет поля, где бы они могли посеять себе хотя несколько грядок кукурузы; там понемногу стали выводиться и лошади, или если они и есть, то так же жалки и худы, как и их хозяева-индейцы. Там уж не до скачек, там, впрочем и не до игр: вечно голодные, истощенные, еле двигающиеся, вымирающие индейцы не могут там думать уж об играх. Но там, где у индейца остался лес и луг, там сохранился и верный друг его – лошадь.

Скачки.

И индеец и лошадь, кажется, вполне понимают друг друга, понимают с первого взгляда. Умному животному не нужно кнута или плети, – достаточно взгляда хозяина, достаточно его слова.

Маленькие мохнатые лошадки выведены на опушку леса к полю. Около них собрался народ из вигвамов, все как будто участвуют в том оживлении, которое охватило молодежь. Лошади готовы. Каждая из них понимает, в чем дело. Вот на спину ее вскакивает тот, которого она знает так давно, который постоянно ласково и серьезно с нею беседует. Лошади стоят смирно, редко какая из них переступит ногами, все застыли в напряжении. Еще минута, раздался крик, этот дикий, резкий, проникающий, кажется, во все фибры тела крик, легкий удар ног, и лошадь вынесла вцепившегося в нее и как бы слившегося с ней седока далеко за линию. Ни рвы ни изгороди не служат препятствием для этого бешеного бега. Все дальше и дальше мчатся лихие наездники. Они не стараются употреблять хитрости, лукавства, чтобы опередить противника, не загоняют до-смерти своего друга, на котором так цепко сидят, – нет. Весь вопрос только в том, кто смелее, кто лучше воспитал свою лошадь и приучил ее к быстрому, трудному с препятствиями бегу.

Кончат одни бешеную скачку, на смену им являются свежие, другие. У всех серьезные, важные лица, каждый с тре-

петом думает, что-то скажут их мудрые, старые вожди о них.

Солнце уже утомилось, медленно идет оно к западу, тени становятся все длиннее и длиннее, кончается день игр. Уставшие, но довольные и возбужденные, понемногу расходятся по своим вигвамам юноши и старики. Еще завтра будет день, завтра будут и игры.

Небо высыпало звездами, бросающими свой мягкий, ласковый свет сквозь темную листву деревьев. Кругом торжественно, тихо. Не нарушают этой тишины сидящие у вигвамов индейцы. Молча посасывают они свои длинные трубки и посылают дым мира к небесам.

Только у одного вигвама тихий говор. Это старик Шинге-бе собрал около себя на траве молодых ребят и рассказывает им про Великого Духа. Тихо сидят вокруг него слушатели: мудр старый Шин-ге-бе, и когда он рассказывает что-нибудь, то рассказывает только самое важное, самое мудрое, и каждый с благоговением прислушивается к его словам.

XI. Письмена индейцев

Часто Заячий След прислушивается к рассказам стариков, вслушивается, затаив дыхание, в легенды о подвигах предков, о том, как их великие люди служили на благо своего народа. Он вслушивается жадно, внимательно, все эти рассказы отпечатаются навеки в его памяти, и он передаст их в таком же виде своим детям и внукам.

Так складывается история народа. История эта не записана, она только передается из уст в уста. Передается в этой истории самое важное, самое главное, по их мнению, и потому-то индейцы особенно чтут своих рассказчиков, и, как бы рассказ ни был неправдоподобен или с нашей точки зрения, смешон, индеец не улыбнется, не отнесется к этому легко.

«Ух! – скажет он только с серьезным видом, переводя дух, – хорошая история».

Но есть у индейцев и записи, только они не такие, как у белых, их надо уметь читать, и умеют их читать только мудрые вожди индейцев. Заячий След видел эти записи у старого Шин-ге-бе. Шин-ге-бе читал их ему. Записи эти не что иное как палки, на которых находятся зарубки, часто палки раскрашены. Каждая зарубка указывает на какое-нибудь великое событие в истории народа. Значение каждой зарубки передается старыми вождями народа молодым, и так идет сотни лет.

С глубокомысленным, сосредоточенным видом слушает Заячий След, как ему объясняет Шин-ге-бе значение зарубок: «Явились белые и с севера и с юга. Они мирные. У них удивительные вещи. Кто они такие?» Ни на одно мгновенье в уме Заячьего Следа не возникает сомнения в истинности этих сведений. Хотя он и знает, что белые – ужасные люди, хотя он и слышит об этом постоянно, но он верит этой записи. Верит потому еще, что слышал не раз, что первоначально пришедшие к ним белые были совсем иными: уважали индейцев, свято чтили свои договоры с ними.

Другие племена индейцев оставили по себе памятники в виде столбов и помещенных на столбах изображений того зверя, именем которого называлось племя. Часто можно встретить на таких столбах изображения двух зверей; это значит, что два племени сошлись между собой, и кто-нибудь из одного племени взял себе в жены девушку другого племени, и они таким образом породнились.

Часто, сидя около своего вигвама, Заячий След царапал на берестовой коре разные знаки. Он видел эти знаки в вигваме Великого Врачевателя. Тут были и лисица, и река, и вигвам. Были разные кружки и серпы, изображавшие солнце, луну… Заячий След сидел над своими знаками в глубокой задумчивости. Он и сам понимал, да и слышал от мудрых стариков, что такими знаками можно рассказать другим свою мысль без слов. Еще недавно Ягу рассказывал про тот случай, который был с одним индейцем соседнего племени.

Индеец этот увлекся охотой на медведя и, выслеживая его, забрался далеко-далеко в лес. Пошел дождь, следы его размыло, и он затерялся в лесу. Тогда он вырезал своим томагавком[7] изображение лисицы на коре дерева и под ногой лисицы сделал кружок. Это значило, что он принадлежал к племени лисиц и блуждал уже целые сутки.

Идя дальше, он продолжал делать на коре деревьев такие же отметки, обламывал и надламывал ветки.

Другой охотник того же племени уже через три дня отыскал пропавшего. Он бродил по лесу, и от его внимания не укрылись обломанные ветки. Он пошел по оставленным таким образом следам и знакам, разыскал и оставленные на коре деревьев записи, увидал отпечатки ног на грязи и на песке и сразу же узнал, что другой из их племени заблудился и находится в беде. Он прочел по знакам, что заблудившийся ослабел и голоден, потому что последнее изображение лисицы имело под ногой три кружка; эти кружки говорили индейцу, что заблудившийся уж три дня блуждает, а другие значки рассказали ему и то, что за эти три дня не удалось ничего добыть на охоте и несчастный совсем истощен.

В конце третьего дня заблудившийся был найден, и оба индейца благополучно вернулись к своим вигвамам.

Заячий След в конце лета отправился в вигвам Великого Врачевателя и, сохраняя свое достоинство, но с полным

---

[7] Род топора, который индейцами употребляется на охотах и в битвах.

уважением к мудрости и положению такой уважаемой всеми особы, как Врачеватель, обратился к нему с просьбой объяснить ему, что значат все надписи, которые он видел у него в вигваме, рассказать ему, не было ли в их народе людей, которые учили бы народ передавать свою мысль без слов, а знаками.

Врачеватель многим внушал страх к себе. Лицо его было особенным образом раскрашено, отчего казалось страшным, на шее висело ожерелье из змеиных зубов, а в волосах торчали два прекрасных орлиных пера. Везде в его вигваме были развешены мешочки с разными травами, сложена березовая кора с разными надписями, а перед входом в вигвам стояли палочки с висевшими на них ленточками, кусочками материй, листьями кукурузы.

Но Заячьему Следу нисколько не было страшно; интерес и жажда узнать значение знаков заглушали всякий страх.

Великий Врачеватель глядел пытливо и строго на смелого любознательного юношу. Он, видно, понял, что им руководило не простое любопытство, а серьезное желание и жажда знаний.

Помолчав немного, Врачеватель отвернулся, пошел в угол вигвама, взял оттуда несколько кусков бересты, испещренных знаками, и рассказал Заячьему Следу предание о Гайавате – изобретателе письмен.

Памятник индейцев.

XII. Гайавата Мудрый

Долго сидел Заячий След в вигваме Врачевателя, углубившись в те знаки на коре, которые тот положил перед ним. Он как бы впитывал в себя их, как бы выжигал их в своей памяти, и Врачеватель серьезно и вдумчиво смотрел на него.

Наконец, Заячий След как бы очнулся.

– Расскажи мне, кто был Гайавата? – обратился он к Врачевателю. – Расскажи, чему учил наш народ этот мудрый из мудрых?

И Врачеватель, как бы предчувствуя, что Заячий След сохранит в точности для будущих поколений то, что считалось священным, начал говорить:

– Много-много лун тому назад на берегу великой реки со множеством островов сидело трое индейцев. Они пришли сюда издалека и первые проложили путь к этим неведомым еще никому местам.

Еще отцы этих индейцев слыхали об этой великой реке со множеством островов. Эти трое индейцев заявили отцам своим, что они отыщут эту реку. Теперь они сидели на холме над рекой, и она, могучая, широкая, раскинулась под ними.

Ночное солнце трижды меняло свой вид с тех пор, как они двинулись в путь. Мокассины их износились, ноги устали, но река была так прекрасна, что, любуясь ею, они забыли все.

В то время, как трое индейцев любовались рекой, они уви-

дали белую пирогу, плывшую прямо к тому холму, на котором они сидели. Пирога явилась оттуда, куда уходит солнце, свершив свой дневной путь.

Трое индейцев увидали в пироге седовласого вождя, у него не было весел. Лодка плыла очень быстро, и никто ею не правил. Седовласый вождь приказал лодке причалить у холма, где сидело трое индейцев, и она остановилась.

Седовласый вождь сказал: «Я – Гайавата. Я пришел помочь вам и вашим народам. Расскажите мне, что делает ваш народ, расскажите мне о вашей охоте».

Трое сидевших поднялись и стали рассказывать Гайавате о своем народе. Раньше они думали, что народ их был очень сильный, теперь же им показалось, что они слабы и немощны, как кролики. Они рассказывали ему и о своей охоте, но теперь сердце их не было преисполнено гордости, так как Гайавата был мудрее всякого вождя и знал, что лежало у них на сердцах.

И Гайавата сказал:

– «Ступайте назад к своему народу. Я приду к вам. Вы увидите меня, когда приготовите мне жилище. Я знал, что вы придете, потому что я видел вас в этих дремучих лесах. Ступайте назад и скажите своему народу, что я приду. Скажите, чтобы сделали вигвам для Гайаваты».

Трое индейцев не могли говорить между собой: слишком полны были их сердца. Они отыскали ту тропу, которую они проложили, идя сюда, и пошли по ней к своему народу. И ко-

гда они пришли, то рассказали все, что видели, рассказали про мудрого вождя в белой пироге. И вожди народа приготовили для него вигвам.

– Он явится к нам в своей белой пироге, – говорили они.

Вигвам поставили у самого озера и покрыли его лучшими оленьими шкурами. Он был весь белый, и вход в него оставили открытым. Никто не смотрел за тем, как закроется вход.

И вот однажды утром вход в вигвам оказался закрытым, а на озере стояла чудесная белая лодка. Народ собрался у озера и ждал. Вход в вигвам открылся, и перед народом появился Гайавата. Гайавата значит мудрый человек. Он многому научил народ.

Он научил его сажать и растить всякие хлебные зерна и бобы, как сохранять бобы на зиму, как оставлять письмена на коре, и еще важнейшему научил он их: как быть сильными.

В то время, как он жил среди народа, явились сторожевые с известием, что большой отряд воинов идет сражаться с ними. Молодые воины сейчас же стали раскрашивать себя и готовиться к бою.

– Созовите большой совет из всех ваших племен, – сказал мудрый Гайавата. – Пусть соберутся они на горе у озера.

Быстрые вестники разнесли слова эти ко всем своим племенам. Вожди и храбрые воины собрались на горе у озера, жены их тоже находились недалеко от них. Весь народ собрался и ждал уже три дня, а Гайавата все не шел на совет.

И вожди послали людей своих к нему на утро четвертого дня спросить, почему он заставляет их ждать.

Гайавата отвечал:

– Повелитель небес указал мне, что если я явлюсь на этот совет, великая скорбь постигнет меня. Я послан был к вам научить вас миру. Но я покажу вам, как надо бороться, я приду на совет.

И Гайавата вошел в свою белую пирогу, и она понесла его к тому месту, где собрался народ на совет, где его ждали вожди.

Вожди и весь народ приветствовали кликами радости появление Гайаваты. Он тихо и молча встал в круге, где собрался совет. Дочь его стояла позади него, никто раньше не заметил ее. И когда отец ее взглянул на нее, она отделилась и отошла туда, где стояли женщины.

В первый день вожди народа излагали свои планы и намерения, и Гайавата молча слушал. На второй день поднялся он, и теперь весь народ слушал его. Гайавата говорил мудрые слова. И все вожди запомнили их. Он так говорил:

– Братья мои! Вы – от многих племен, и все вы собрались сюда для одной цели. Вы все должны объединиться. То племя, которое готовится воевать с вами, очень сильное. Пи одно из находящихся здесь племен не может само по себе равняться с ним по силе. Братья мои! Составьте между собою союз, будьте братьями друг другу, и вы будете сильнее всех.

Сказал это Гайавата и сел. Три дня вожди всех племен со-

вещались между собой и потом сказали ему:

– Мы сделаем так, как ты сказал. Отныне забудем все раздоры между собой и будем братьями.

И все пять племен составили один народ.

Совет кончился. Гайавата позвал свою дочь и пошел к пиро́ге. Как только дочь подошла к нему, поднялось большое белое облако на небе. Это была громовая птица. Облако взяло с собой дочь Гайаваты, и она исчезла. Подплыла и белая пирога. Гайавата вошел в нее, и в воздухе раздалась музыка, самая нежная музыка, как бывает тогда, когда ветерок шумит в соснах. Под эту музыку уплыл Гайавата.

Долго народ горевал по Гайавате, потому что с тех пор его уже никогда больше не видели.

Его вигвам стоял пустым.

Все пять соединившихся народов стали очень сильными.

XIII. Совет

Однажды в осенний дождливый день около вигвама Врачевателя было особое оживление. Заячий След знал причины этого оживления и очень интересовался, чем все кончится. У Врачевателя собрался совет изо всех старейшин соседних селений, сюда же прибыли некоторые старейшины очень далеких селений, другого племени.

На совете обсуждался вопрос, который живо касался семьи Вор-ра-пи. Когда в последний раз Вор-ра-пи виделся с начальником белых и получил для своего народа хлеб, начальник сказал ему, что пора из селения присылать к ним в город детей учиться. Когда он узнал, что у Вор-ра-пи есть сын Летящий Лис, которому уже 12 лет, он стал советовать ему отдать сына в школу белых.

Начальник описывал все преимущества ученья, рассказывал, что в школе мальчик научится читать и писать. И при этом начальник взял книжку и стал читать оттуда Вор-ра-пи. Говорил начальник и о том, что если сын выучится, то, может быть, будет тогда доктором, может быть, будет строить мосты через огромные реки, большие дома, железные дороги, станет богат и не будет голодать, как голодают они теперь.

Вор-ра-пи слушал начальника с недоверием и удивлением. Правда, он видел в маленьком городке большие дома и всегда боялся проходить около них, потому что, думал он,

стоит подуть большому ветру, как они разрушатся. Он видел железного коня с огненным дыханием, который может так быстро бежать, как ни одна из их лошадей, но он никак не мог поверить, чтобы коня этого сделали люди. Нет, этого не может быть, думал он, белые обманывают. Коня этого послал белым Злой Дух, с которым белые в союзе против индейцев. И как может быть этот огнедышащий конь не от Злого Духа, когда везде, где он пробежит, нет уж лесов, нет и бизонов, нет пугливой, трепетной лани, ни могучего владыки леса, косматого медведя, – всех разогнал этот конь, чтобы еще хуже жилось индейцам.

Обманывает белый, когда говорит, что Летящий Лис может сделать железного коня. Не может служить Летящий Лис Злому Духу, и если бы он стал служить ему, народ осудил бы его и прогнал от себя.

Но белый начальник требует, чтобы народ отдавал своих детей белым в ученье, начальник говорит, что соседи их, которые, хотя и живут далеко от них, но родственны им, отдают белым своих детей и довольны: дети их многое знают и будут счастливы. И Вор-ра-пи понял, что он должен созвать совет старшин. Кроме того, он решил позвать на совет и старшин того племени, которое отдает белый в ученье своих детей.

И вот настал день совета. Заячий След знал из разговоров отца с Ягу, о чем будут совещаться. Ему нельзя было участвовать еще в совете, – слишком молод он был, но он мог находиться вместе с другими у вигвама и слышать, о чем будут

говорить мудрые вожди.

Рано утром собрались около вигвама Врачевателя старшины народа; они стали на полянке около вигвама и молча курили трубки. Подальше от них, у деревьев, стоял народ, – те мужчины и юноши, которые не могли принимать еще участия в совете, а по другую сторону стояли женщины. Все были в праздничных нарядах, а участвовавшие в совете старшины – в военном наряде, как это бывало встарину. Лица их были раскрашены, поверх прекрасных мокассин были разрисованные гетры, сзади развевались длинные лисьи хвосты, в волосы были воткнуты орлиные перья.

Вигвам Врачевателя.

Вор-ра-пи рассказал старшинам свой разговор с белым начальником, рассказал и о том, как некоторые индейцы отдают уже своих детей в ученье, и попросил вождя этих индейцев рассказать народу, правда ли это, и если правда, то хорошо ли детям у белых, стали ли они после этого ученья сильнее, мудрее, стали ли делать те чудеса, о которых говорят белые.

После этих слов в круг выступил старый индеец и начал говорить.

– Да, это правда, – сказал он. – Народ наш посылает детей к белым в большое селение, с огромными домами. Правда и то, что дети наши научаются там разным чудесам: положив перед собой лист бумаги, они глядят на него и говорят вслух то, что сказали совсем незнакомые люди, живущие далеко-далеко от нас. Правда и то, что если кто-нибудь из нас скажет что-нибудь, то они сделают какие-то знаки на бумаге, и если эту бумагу передать другому, который был в ученьи у белых и которого не было тут, когда мы говорили, то другой посмотрит на бумагу и скажет слово в слово то, что мы говорили…

В толпе, окружавшей совет, прошел легкий гул, все были поражены этим чудом, и как будто не совсем верили рассказчику, но выразить недоверие никто не смел. На таких советах все должны были говорить одну только правду, и если бы

кто солгал, он наказывался жестоко – смертью.

– Да, это правда, – продолжал индеец, – но это и все. Дети наши живут в огромных домах, они не видят там леса, не охотятся, они редко выходят за селение. Они должны слушать всех белых и во всем верить им. Но силы их падают, они приходят домой слабыми, несколько уже умерло… Они не научились у белых тому, чтобы у нас было больше земли, чтобы лучше была охота, и нет в них радости жизни, – закончил рассказчик.

Тогда в круг выступил Врачеватель.

– Нет тут чуда в том, что нам сказали сейчас. Наши великие мудрые тоже могли делать знаки на коре бересты, тоже могли сказать, посмотрев на знаки, то, что говорили неизвестные им, далекие люди. Белые не выдумали чуда. Вы знаете все племя Чироки, они могут тоже читать, как и белые, но только они не у белых этому выучились. Мудрый Си-квоя[8] научил их этому чуду. Когда Си-квоя увидал как-то одного из своего народа, умевшего читать книгу, данную белыми, он сразу же загорелся гневом. Может ли быть что хорошее от белых? Си-квоя хорошо знал белых, потому что отец его был белый: он женился на его матери, но потом бросил ее беспомощную с новорожденным ребенком. Этот ребенок и был Си-квоя. Он вырос и, узнав подлость своего отца, никогда уж не верил белым.

---

[8] Си-квоя название большого калифорнийского дерева.

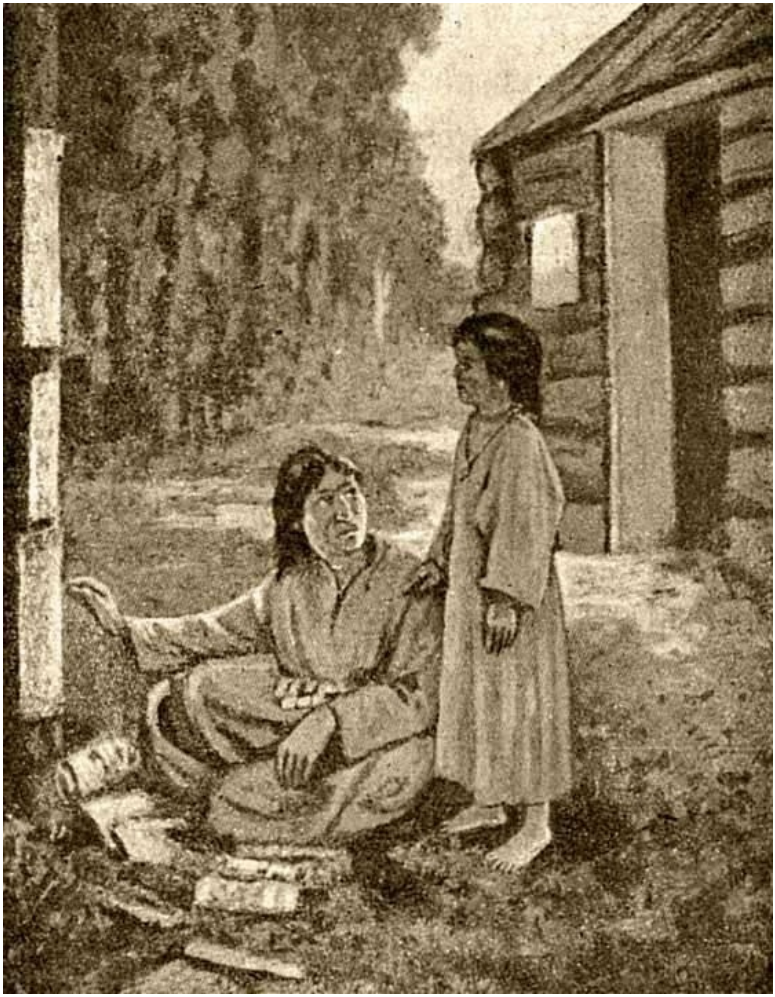
Великий Врачеватель.

Си-квоя понимал, как и другие наши мудрые люди, что хорошо, чтобы могли люди записать то, что говорят их мудрые. Ему было горько, что только белые это умеют делать. Стал он задумчив, бросил охоту, отказался участвовать в военных набегах и все время сидел у себя в вигваме, прислушивался и что-то рисовал. Народ стал жалеть его, считая его безумным. Но вот однажды Си-квоя созвал старейшин народа на совет, привел туда же свою маленькую дочь, взял на глазах народа берестовую кору и что-то написал на ней. Затем он передал написанное своей дочери и та

прочла вслух. Несколько раз заставлял Си-квоя свою дочь читать народу то, что он молча писал, каждый раз дочь его верно говорила. Тогда народ обрадовался и начал хвалить и величать своего мудрого учителя Си-квою, и молодые люди повалили к нему, стали учиться, перестали интересоваться военными потехами.[9]

---

[9] Си-квоя из племени Чироки составил азбуку из 80 букв. По этой азбуке можно было написать все слова, все понятия племени Чироки.Вскоре миссионеры узнали про это изобретение Си-квоя, изучили составленную им азбуку и перевели библию на язык индейцев. А в 1820 г. правительство Соединенных Штатов Америки отлило шрифт этой азбуки и послало его вместе с печатной машиной народу племени Чироки, которое считается самым образованным среди индейцев.Потом белые сделали мраморный бюст Си-квоя; бюст этот и по сию пору находится в доме совета этих индейцев в Галекво, в области Аклагома.



Си-квоя, индеец, изобретший индейскую азбуку.

Снова в толпе прошел гул, но в этом гуле можно было отличить радостные нотки. Народ гордился тем, что его сыны могут сделать такое же чудо, как и белые.

– Но не в этом главное, мудрые вожди, – продолжал Врачеватель. – Вы слышали, что дети наших братьев, уходя к белым, слабеют, нет радости в сердце их, возвращаются они и умирают.

После Врачевателя стал говорить Шин-ге-бе.

– Мудрые вожди! – говорил он. – Что вы хотите делать, отдавая своих детей белым? Разве вы не видите их лукавства? Хотите вы, чтобы и наши дети были такими же лукавыми и лживыми? Посмотрите на белых, я их видел, когда ходил в их города: разве они счастливы? Они все время заперты в больших домах, в которых мы дрожали бы от страха. Они боятся сесть верхом на лошадь, они слабые, хилые. На улицах их дышать нельзя от вони, как будто в их городе только-что было сражение и не похоронили еще павших воинов. Когда наступает холод, они кутаются в меха и все-таки мерзнут. Когда их кто-нибудь ударит, они плачут, как зайцы… Нет, мудрые вожди, нехорошо живут белые, не должны мы им подражать.

После этого никто больше не говорил в совете. Еще немного постояли, покурили из своих длинных трубок, и затем Вор-ра-пи громким голосом объявил народу волю совета: жить по-прежнему и не отдавать своих детей в уче-

нье белым.

Решение это приветствовалось громкими, радостными кликами всего народа.

Радовался и Заячий След, но в то же время он решил еще раз пойти к Врачевателю, узнать у него подробности про Сиквою; если нужно будет, то отправиться даже к народу Чироки с тем, чтобы притти потом назад и научить свой народ записывать мудрые предания старины.